

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 15

1981

Николай ФЕДОРЕНКО

**К Р А С К И
С О З О П О Л А**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 15

Николай ФЕДОРЕНКО

КРАСКИ СОЗОПОЛА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Николай ФЕДОРЕНКО

Николай Трофимович Федоренко родился в 1912 году в г. Пятигорске. Советский литератор, филолог-востоковед, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, почетный академик Флорентийской академии искусств, почетный член Института китаеведения в Токио.

Долгие годы находился на дипломатической работе: дипломатическая служба в Китае (1940—1952), заместитель министра иностранных дел СССР (1955—1958), посол СССР в Японии (1958—1962), представитель СССР в ООН и Совете Безопасности (1963—1968). Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла СССР. В настоящее время — секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Иностранная литература».

Автор книг: «Очерки современной китайской литературы» (1953), «Китайские записи» (1955), «Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы» (1956), «Шицзин» и его место в китайской литературе» (1958), «Земля и легенды Китая» (1961), «Краски времени. Черты японского искусства» (1972), «Дипломатические записи» (1972), «Японские записи» (1974), «Проблемы исследования китайской литературы» (1974), «Меткость слова. (Афористика как жанр словесного искусства)» (1975), «Древние памятники китайской литературы» (1978), «Кавабата Ясунари» (1978), «Диалог в Каракасе» (1979), «Литературные записи» (1980) и многих других работ (всего свыше 170), посвященных истории культуры Китая и Японии, общетеоретическим вопросам литературы и искусства.

ВОСПРИЯТИЕ

Старинный фракийский дом, в котором проходили мои дни в Созополе, древнейшем поселении на скалистом полуострове болгарского Черноморья, стоит на прибрежном каменистом массиве, у самого моря. Одна его сторона обращена к морю, другая выходит на лучшую из улиц города, названную именами братьев Кирилла и Мефодия. Она застроена домами традиционной архитектуры и сохраняет стародавний вид, какой они имели в прошлые века. В конце улицы высится здание начальной школы, которая также названа в честь великих просветителей Кирилла и Мефодия. Рядом с моим домом проходит переулок имени В. Л. Душина, советского подводника, погибшего у берегов Созопола во время Отечественной войны.

Нижний этаж дома сложен из морских валунов и серого дикого камня, между которыми во всю длину стены проложены деревянные брусья, образующие с ними единое целое в архитектуре дома. Верхний этаж обшит простыми досками, ставшими сизыми от ветра и времени.

Весь дом выдержан в старинной традиции зодчества, искони существующей в этом поселении. Деревянный этаж, сделанный шире нижнего каменного, выдается в стороны, особенно с фасада, и образует навес.

В нижнем этаже, который часто служит в доме рыбака подсобным помещением или хранилищем, обрабатывается и сушится рыба. Верхний этаж, соединяющийся внутренней лестницей с нижним, обычно состоит из просторной приемной и жилых комнат.

Фракийский дом (тракийская кышта) — это прежде всего внешний вид, его фасад, который принято здесь строить по законам красоты и веками вырабатывавшегося вкуса. Созополцы видят в своих домах своеобразный символ, напоминающий птиц, улетающих в море вслед за кораблями и рыбацкими шхунами. Художественная ценность экстерьера дома возрастает в зависимости от того, как вписывается он в архитектурный ансамбль улицы, будто проникнутой грустью и ожиданиями женщины, устремившей свой взор в морскую даль. Постоянно звучащий мотив любовной тоски — этого вечного обновления жизни...

Рассказывали мне, что у рыбаков и мореходов Созопола живет какое-то врожденное чувство, особая, чуть ли не болезненная, утонченная гордость — стремление сдержанной, но совершенной архитектурной линией и общей внешней композицией несколько прикрыть чрезмерную строгость интерьера.

Внутреннее убранство моей комнаты ближе к спартанской обстановке. Деревянный пол из грубообработанных широких досок, нарезанных по всему продольному сечению бревен и рядами прибитых к поперечным балкам, гвоздей, кованных из простого железа, с большими расплоснутыми шляпками. Потолок комнаты обшит основными досками с множеством срезанных темно-коричневых сучков, обработанными с большей тщательностью, чем пол, и тонированными светлой морилкой. Двери и рамы пролетов сосновые, в тон потолочной облицовке. И оттого меня не покидает атмосфера пахнущей смолы и сухого дерева.

В центре потолка — массивный рельеф в форме восьмигранника, вырезанный из мягкого дерева и тонированный под цвет деревянных аппликаций на дверях и оконных рамах. Затейливый его национальный орнамент, изображающий солнце в сердцевине и расходящиеся вокруг лучи, свидетельствует о народной традиции мастерства резчиков по дереву в этом крае. Они, можно сказать, своеобразные художники и поэты своего ремесла.

Из рассказов местных жителей я узнал, что созопольские резчики славились в старину высоким и оригинальным своим искусством, резными изделиями из больших кусков дерева — тех фигур, что по морскому обычаю украшали форштевни парусных кораблей и рыболовных шхун. Это были грубые с виду, без внешней отделки, но очень выразительные статуи мадонн, морского бога Нептуна, дельфинов, извивающихся морских коньков, а нередко и фигуры грозных драконов.

С резьбой по дереву неразрывно связана изумительная архитектура эпохи болгарского Возрождения. Ажурная вязь деревянной резьбы часто встречается на фасадах старинных домов Созопола. Самые ранние произведения этого искусства относятся к первой половине XVIII века. Наиболее характерные из этих изделий — резные потолки, стенные шкафы, двери и окна, это также внешние декоративные и конструктивные элементы домов — консоли, фронтоны, пилястры. Особенной тонкостью и совершенством отличается искусство изготовления иконостасов, алтарей, амвонов, церковных тронов, статуй святых. Многие примечательные резные изделия жилых домов Созопола, которые теперь уже реставрированы, выполнены местными мастерами и считаются уникальными. Материалом для них служили породы дуба, сосны, ели, ореха. Во всех случаях это кропотливая и тщательная ручная работа с преобладанием геометрических орнаментов.

В доме столяра Яни Чаушева, живущего в конце созопольской пристани, у самого волнолома, мне посчастливилось убедиться в жизнестойкости старинного искусства резьбы по дереву. Весь необыкновенный интерьер дома — творение рук самого хозяина. Двери, потолки, стенные панели, полки, наличники — все из резного дерева местных пород. Они словно кружева, выполненные тонкими рукодельницами. Поражает ажурность каждой детали и всей композиции, в основе которых народные орнаменты и традиционные мотивы.

Изысканная резная мебель — столики, скамейки, стульчики, этажерки — придает всей атмосфере дома, его интерьеру какую-то сказочность, волшебство.

— Учились ли вы резьбе по дереву у старых мастеров или в академии прикладного искусства? — поинтересовался я у Яни Чаушева, который молчаливо, без лишних слов открывал перед нами двери все новых и разных комнат, поражающих нас одна более другой.

— Нет, резьбе нигде не учился. Академий и даже школ не посещал. В Созополе их нет, а в других городах моему сословию они были заказаны. Так что не удостоился ни дипломов, ни ученых степеней. Высокая эта честь досталась моим детям, получившим академическое образование в столичном институте Софии. Другое время, другие песни...

— Значит, искусство резьбы перешло к вам по наследству, от родителей или пращуров? — продолжал я допытываться.

— Нет, в нашем роду, сколько я знаю, никто резьбой по дереву не увлекался...

— Каким же образом вы стали мастером художественной резьбы?

— Самодельно... И, конечно, помогала здешняя обстановка, все окружение. Сам воздух Созопола делает из нас художников. Здесь словно бы усиливается ощущение, чувствительность к прекрасному, к искусству. Чувствительность обостренная, взыскательная и поэтическая. Сама атмосфера, очаровывая нас, как бы говорит человеку, что мало лишь любоваться, созерцать. Нужно жить здесь, непрерывно жить в окружении прекрасного, неожиданного, удивительного, как в необъятном поэтическом мире. И тогда придет желание и вдохновение попробовать силы свои, способности... К помощи искусства люди прибегают затем, чтобы лучше познать и глубже раскрыть человека и время, в котором он не просто существует.

А затем, после небольшой паузы, как бы поразмыслив, продолжал:

— Приходилось мне встречаться с резьбой по дереву в некоторых старинных домах и базиликах Созопола. Иногда часами упивался совершенством резьбы, уникальным мастерством народных умельцев. Так что находил для себя наставников... Только Адаму и Еве, кажется, не с кем было посоветоваться. С детских пор привязан к стихии дерева, влюблен в природный материал, его естественную красоту. Словом,

вкус у меня к обработке дерева, страсть такая и, конечно, терпение, упорный каждодневный труд — годы и десятилетия сосредоточенной работы, увлеченность занятием...

И мне подумалось, что человек этот чем-то напоминает бескорыстного экспериментатора, который испытание проводит на самом себе, чтобы не нанести травм, не причинить боли другим... Столяр и художник — два начала, которые так счастливо сочетаются в удивительном этом человеке. Но достиг он всего не только благодаря своему богатому воображению и врожденному таланту. Едва ли не главное здесь — труд, труд каждодневный, непрестанный, увлеченный.

И личная мастерская Яни Чаушева, расположенная на самом нижнем этаже, напоминает студию художника и поэта. Здесь все резьба по дереву: великолепный резной потолок, уникальные панели, двери, полки и вся мебель.

На стенах — картины и графика, принадлежащие кисти созополского мариниста Яни Хрисопулоса. Картины, написанные с настроением на сюжеты моря и местной природы, привлекают внимание самобытностью почерка и цветовой гаммой. Я поинтересовался судьбой художника и историей картин.

— Эти работы Хрисопулоса мне очень дороги. В них отображена действительность нашего города. Подлинный реализм нашего бытия: море и воздух, которыми мы живем,— сказал Яни Чаушев.

— Много ли у вас его картин?

— Собрал около сорока. Но вывешиваю не все сразу. Варьирую по настроению... Каждая из них, одинаково сохранившая тепло души живописца, различна в своем проявлении.

— Целая коллекция... и очень ценная, вероятно?

— Картины эти я не покупаю. Бесценны они...

— Не совсем вас понимаю...

— С Яни Хрисопулосом мы в давней и большой дружбе. Рассчитываемся между собой не деньгами, а своим трудом. За рамы и другие столярные работы он платит мне картинами. Поэтому и говорю — бесценны...

И здесь же миниатюрный стол-верстак, на котором набор режущих инструментов. Во всем удивительный вкус и утонченность. Здесь все продуманно, значительно и немного таинственно. Простота и изысканность оформления комнаты наполняют ее уютом и теплотой.

Не примечательно ли то, что на прекрасно выполненных резных полках, протянутых от стены к стене,— множество книг, среди которых редкие издания о Болгарии, Бургасе, Созополе... Книги на болгарском и русском языках. Произведения русской литературы, почитателем которой оказался хозяин. Здесь классика — Пушкин, Лермонтов, Чехов, Достоевский, Горький. Многие книги современных советских писателей. Мастер художественной резьбы по дереву

неожиданно открылся для меня не просто как читатель, но как настоящий знаток, наизусть цитирующий куски из произведений русских поэтов. По-разному человек строит, по-разному проживает свою жизнь. Одну жизнь, которая может быть насыщенной, полной творческой увлеченности.

Говоря о работах резчиков по дереву, Яни Чаушев отметил, что большим интерес и художественную ценность представляют собой два иконостаса и ритуальная мебель в созополской церкви св. Иоанна Богослова и св. Богородицы, где, по рассказам местных старожилов, К. Паустовскому так хотелось пожить в церковной пристройке, в монастырской тишине, располагающей к размышлениям. Уникальные эти произведения эпохи Возрождения принадлежат болгарским мастерам Дебрыской школы, которая получила широкую известность в странах славянского мира.

В базилике св. Богородицы, глубоко вросшей в землю, мне показали старинный иконостас и амвон, чудом сохранившиеся от былых времен. От икон и ритуальной утвари не осталось и следа, хотя, по рассказам, здесь были собраны многочисленные предметы церковной службы, подаренные в разное время благодарными мореходами, которые после морских катастроф и крушений обрели приют в «городе спасения».

Мастерство резчиков по дереву, создавших иконостас, изумительно. Чувствуется, что болгарские мастера, которые иногда приезжали в Созопол из других мест, работали, что называется, без перчаток. Пальцы у них были обнажены. Тут требовалась особенная чувствительность и художественный вкус. Это образцы шедевров народного мастерства, искусства резьбы по дереву, обладающие своим очарованием.

Глубокое рельефное моделирование, богатство и многообразие декоративных элементов, а главное, изящная выработка являются общепризнанными характерными особенностями созополской церковной резьбы по дереву. Показательно, что в иконостасе преобладают элементы совершенной композиции местной растительности и мира животных. Образы человека, представленные в виде голов и фигур, связаны с религиозными легендами и преданиями. Обращает на себя внимание большое тематическое разнообразие созданных сцен и композиций, которые ни в одном случае не повторяются.

В Созопол и другие древние города Болгарии многочисленных путников из разных стран влечет не только очарование этих мест, живописная природа Черноморья, горные пейзажи, растительный мир. Всех их влечет еще желание ознакомиться с древней и традиционной культурой, памятниками, шедеврами древнего зодчества и скульптуры, которые словно драгоценные жемчужины сияют на болгарских просторах.

Созополское мое жилище напоминало подмосковный мой дом — бревенчатый сруб среди лиственниц и хвой. За окном в саду готически

вознесшаяся вечнозеленая ель, одна из тех, что окружают и хранят мой дом. Жилище, где всегда сохраняется лесной воздух с легким настоем хвои и березы, где царит ничем не заменимый покой и мирная тишина. Не от того ли всего лучше чувствую себя в одиночестве и тиши моего Внукова? Тишина — это лучшее из всего, что мне приходилось слышать и испытать.

У самой стены моего созополского дома высятся огромные кроны деревьев смоковницы с крупными разлапистыми листьями темно-зеленого цвета. Когда смотришь на ствол, создается впечатление, будто он выходит прямо из камня, врося в скальную плиту. И во дворе и на улице — подобная же картина. Деревья, среди которых рвущиеся к небу кипарисы и виноградная лоза, вьющаяся по стенам домов и специальным решетчатым перекрытиям над улицами, произрастают как бы не из грунта, а из каменных панелей. Кажется это невероятным — настолько искусно скрыты корни в глубине, под каменным настилом. Камни и корни... Камни выходят из земли. И уходят в землю, как бы вращая в нее. Цветы прорастают сквозь бетон и каменные плиты. Какая странная общность. И невольно мне вспомнился особый сорт овса, который растет в Тибете на камнях гор, где уживаются только лишай. Ведь иногда достаточно совсем немного воды, чтобы не увяло растение, которое потом может развиться, вырасти, превратиться в дерево с крепкими корнями, с тенью и покоем для людей.

Какова же цена воде? Можно ли оценить незаменимое? Животворящий свет неба, озон воздуха, заворачивающий шум дубравы, морского прибоя... Бесценно все это для нас в природе, бесценно как самое наше бытие.

У растительного мира Созопола своя родословная: он творился в течение тысячелетий природой и человеком, которым, кажется, руководило стремление соединить мечту с реальностью, осуществить союз благодатной земли и людского труда. Созополцы тем самым стремились научить людей верить в торжество солнца над мраком, доброго человеческого сердца над злом.

Это не могло не вселить людям глубочайшего убеждения в том, что созидание и любовь к человеку есть то главное, чему мы должны всегда быть верны. Верны на всем пути, который и есть наша жизнь.

На память приходят строки Превера:

Когда-то деревья
пришли неизвестно откуда.
Когда-то деревья
были такими, как мы.
Но отметим: они были крепче,
счастливей, мудрее,
влюбленней, быть может.
И что же? Все сказано этим!

Не в том ли таятся источник человеческого усовершенствования, самоусовершенствования, стремления к естественной простоте людских отношений, к пониманию богатств мира, в котором жили несчетные поколения людей, а теперь живем и мы; стремление ко всему прекрасному, нравственному, возвышенному, что окружает нас всюду и что нами должно твориться. Но смею думать, что не только по причинам внешнего свойства, а и по своей инертности и вялости мы не способствуем раскрытию заложенных в нас возможностей, внутренних потенций, талантов добрых и чистых. Нередко в суете и тревожностях повседневного нашего существования, когда не все у нас получается, мы пытаемся найти виновников собственных неудач в других людях, приписываем свои неудачи «всесильным обстоятельствам». Либо впадаем временами в беспокойную, молчаливую грусть и отчаяние.

И потому не правильнее ли нам говорить, каким человеку быть, а не кем ему быть, за каким столом и в каком кресле сидеть, какую мебель занимать и в каких лимузинах совершать свои каждодневные и эпизодические вояжи...

Вглядываясь в прошлое Созопола, веками создававшегося в тяжком труде и безжалостно разрушавшегося в кровопролитных войнах из-за ненасытной жажды власти и гегемонии, вновь и вновь убеждаешься в том, что с беспощадностью люди задавали себе вопросы, рождаемые временем, и искали на них ответы, как бы ни было больно, как бы остро ни звучал разум терзания. И для них, как теперь для нас, возникала своя связь проблем повседневного бытия с общечеловеческими, старательное извлечение зерен опыта и мудрости из самых будничных вещей и явлений.

Разросшиеся ветви инжирного дерева, как вестники надежд, касаются моего окна на втором этаже, маня своими лиловыми винными плодами. В восточных странах их вялят на воздухе и получают инжир, но здесь принято готовить из них редкостное по тонкости вкуса варенье. Созревшие плоды лопаются, сами распахиваются и обнаруживают медовую свою мякоть гранатового цвета.

Из моего окна вдали видны три бухты, образуемые тремя острыми выступами полуострова, скальные острова и каменные мысы, которые делаются особенно различимыми и контрастными в ясный солнечный день в часы полного штиля. А совсем рядом, под окном, слышится не утихающий никогда шум моря, громоздятся над водой острые черные скалы, на которые неустанно обрушиваются морские волны. Яростно о них ударяясь, они, обессиленные, откатываются, неистово разбрасывая брызги и глухо, затаенно шипя, продолжают пениться густой, долго тающей пеной.

Лишь во время сильного шторма высоким волнам удается в грозный этот момент подняться над отдельными скалами и заполнить, утопить их в мутной своей стихии, на какой-то час одержать

над ними свой верх, чтобы продолжить яростный штурм других скальных бастионов. Но как только укрощается разбушевавшийся буря, короткое торжество моря кончается, и над волнами вновь обозначаются черные силуэты скал и спокойно восстанавливают свое господство. Неостановимым кажется это таящееся в самой природе противоборство между морем и скалами. И столь же извечно неразлучные узы этих стихий — воды и камня. Не в том ли тайный смысл вещей, скрытая сила явлений природы? Молчат ли камни, безудержно омываемые морскими волнами, рождающими эхо среди скал, под палящими солнечными лучами и в полупрозрачном свечении?

И в памяти всплывает миф о Лазурных утесах, которые находились в Понте, на Черноморье, и таинственно то сходились, то расходились. За это они получили прозвище Симплегады (сходящиеся). Предание гласит: когда между Симплегадами пролетел пушенный Ясоном голубь, Симплегады остановились и пропустили корабль «Арго», на котором, как известно, Ясон со своими аргонантами совершал путешествие в Колхиду за золотым руном.

Я спустился как-то к берегу, устроился на каменной глыбе и, слушая звуки ночи, долго всматривался в нескончаемую игру моря и скал. Парадоксальным может это показаться, но иногда ночью бывает виднее, чем днем. Вокруг все дышало туманом, водорослями, сырым деревом, мокрыми черными скалами. Бледные звезды струили в ночи мерцающий свой свет. Небо потому прекрасно, что в нем такое множество звезд — печальных, суровых, загадочных. Оно не было столь чарующим, если бы светило лишь одно солнце, вобравшее в себя все звезды. Скалы затягивало какой-то магической мглой, которая надвигалась со стороны разыгравшегося где-то в невидимой дали черного смерча. Гневное море металось в необузданной ярости. Над берегами Созопола выл мрачный норд, бушевал жестокий шторм.

Только каменные громады, словно не желая покоряться стихии моря, недвижно стоят, бросая вызов обезумевшим волнам, стремящимся возвыситься над ними. Лишь корявые от бурь лиственницы высоко на берегу изгибаются, раскачиваясь во все стороны, как тростник под беспощадным ветром.

И, закрывая глаза, человек, как капля в потоке веков, чувствует себя согретым осенней темнотой ночи и наполненным удивительным ощущением своей причастности к происходящему вокруг, ощущением самой чистой радости общения с живой природой, необузданным проявлением стихийных ее сил. Ощущением истинной поэзии, навеянной непосредственными впечатлениями... Это было тем, что в стародавние времена называли сном наяву. А не привиделось ли мне все это? Воображение — бог поэзии.

К рассвету сорвавшийся ночью шторм утих. Отгрохотало море, скидывая последние крутые волны. Шум и острый запах все более уходили от берегов полуострова. Наступило седое утро, из тумана

которого как бы возникал и торжественно расцветал под солнцем старый Созопол, встречавший на долгом своем веку неисчислимые морские стихии.

Над морем простирался неправдоподобно светлый, серебристый штиль. Верна давняя примета: после бури всегда бывает тихая погода. В свечении лазурного неба и воздуха — необыкновенная прозрачность, какую можно наблюдать лишь в осенний погожий день. Какая во всем контрастность в сравнении со вчерашним бешеным ревом морского шторма., по выражению созополцев, греуса — черноморского норд-оста. Какая свежесть вокруг, какое обновление природы!..

В памяти возникают слова известного вьетнамского писателя Нгуен Туана, сказанные в одной из его книг: «Я хочу, чтобы изо дня в день опьяняла меня новизна. Хочу, чтобы каждый день мне дарил удивление, из которого рождается и тяга к работе. Если человек отучается удивляться, ему остается одно — вернуться к первоисточнику своему — стать глиной и прахом».

В этот неповторимый час, любуясь безбрежными просторами раскинувшейся водной глади, неудержимо хочется произнести: «Здравствуй, дивное море!» Нет большего удовольствия, чем прогулка в солнечное и тихое утро у скалистых берегов, орошаемых дыханием йода и морских водорослей. Свежесть и воздушная соль наполняют ваши легкие, пропитывают все поры...

Мир запахов, красок и звуков способен оказывать удивительное воздействие, создавать настроение, приводить человека в состояние творческой активности, этого высшего дара природы. Разве не зависит очень многое от того, с каким чувством и настроением завершился твой вчерашний день, не зависит день наступивший и завтрашний? Когда, погружаясь в сон, человек испытывает чувство удовлетворенности, это всегда помогает плодотворно начать следующий день его жизни. Тогда и дышится легко и мечте просторно.

Вдоль берега струится пар. Туман прошел, внезапно открылось море. Пахнет влажным песком. Прелые водоросли и выброшенная шипящими волнами рыба, издающая едкий запах, обозначали на берегу границу высоких приливов. Ветер разносит терпкий этот запах вдоль дощатых построек, возвышающихся на каменных помостах. Неподалеку от моего дома, у мыса, над водой чернеют скалы, над которыми серыми стаями реют чайки и альбатросы. Они то повисают низко над водой белыми облачками, поднимая глухой шум, то стремительно бросаются в водоворот волн, осторожно и ловко выхватывают там свою добычу. Прекрасно ведомы им тайны мутных волн и ветры высоких румбов и баллов.

После каждой ночи, когда утренним часом иду по песчаному пляжу, вижу, как морским бураном выброшено множество причудливо сплетенных водорослей, россыпи раковин, отмытых прибоем

древесных корней и щепы, осколков керамических изделий... У каждого из этих предметов — свое прошлое, свой путь движения и судьба. Каждый из них — предмет раздумий, предположений, наших догадок. И едва ли не за всеми этими вещами стоят неведомые люди со своими дорогами жизни, взлетами и падениями, крушениями, своей человеческой участью.

Всякий черепок или осколок глиняной посуды здесь будит воображение, которое рисует его драгоценной частицей фракийской керамической чаши, разбитой эллинской вазы или старинной амфоры. И для фантазии этой наличествует почва. У ваших ног не прекращается извечный прибой, волны которого то уносят, то выбрасывают с морских глубин на побережье различные предметы канувших в Лету цивилизаций, остатки потерпевших крушение судов, затонувших сокровищ...

Каждая увиденная здесь подробность сливается с новой, казалось, неуловимой ранее чертой, и возникает необыкновенный узор, подобный волшебной пряже...

Вдали, у самого горизонта над морем, которое голубее, как мгlistая бездна, подымается прозрачная струя дыма — едва заметно движется силуэт загадочного судна в загадочные земли. И ночью, в смоляной тьме, когда длинные часы бессонья заполняются чтением, раздумьями и заметками, случается наблюдать, как проходят редкие пароходы, тускло освещенные, одинокие, загадочные. И мне порой начинает казаться, что и сам я нахожусь не в доме на берегу, а на раскачивающемся и плывущем по волнам пароходе. Шум моря, заботливо окутывая меня постоянно, круглые сутки, стал для меня привычным и неотъемлемым. Гул прибоя за окном, ударяясь о берега, о крутые скальные громады, воспринимается с таким ощущением, будто нахожусь на борту судна, в уютной кабине, сохраняющей запах сосновых досок и морских водорослей. И когда природа осыпает непроглядную тьму ночи небесными звездами, верю, что свет их ниспосылается потерявшим свой путь мореходам, беспомощно блуждающим во мраке...

Созопол — город, щедро омываемый неутешными морскими волнами, неутихаемыми ветрами. Морской порт — пристанище для оказавшихся в беде судов, убежище для потерпевших крушение путников... Сколько их было за долгую историю античного этого поселения? Сколько жизней спас Созополис — «город спасения», как прозвали его благодарные люди еще в далеком IV веке до н. э.? Скольким принесла удачу и счастье древнейшая эта земля, живописно лежащая на удивительном этом полуострове болгарского Причерноморья, земля, на которой возникло первопоселение, основанное фракийским племенем в XIII—XII веке до н. э., которым и начинается родословная нынешнего Созопола.

Торжественно и могущественно движение морских волн с их шумной и яростной музыкой. Сколько с тех давних пор было приливов

и отливов у созопольских берегов, сколько было восходов солнца, сколько закатов? И сколько поколений людей любовалось лунными ночами над Созополем, мучалось и любило, мечтало, надеялось на пришествие чего-то необыкновенного, волнующего душу. И как нет, кажется, конца и края бегущей воде, не было и нет границ человеческого мечтам и надеждам. Уходят, рушатся одни, возникают точас другие. Так и живет человек, перемога невзгоды и напасти, стремясь увидеть новые горизонты с заманчивыми перспективами, дарящими людям звездопад их счастья.

И слух древних, как наш теперь, услаждали гулкие раскаты волн, разбивавшихся о горные утесы, дыхание и звуки моря, его песни — то сердитые, грозные, дикие, то жалобные и скорбные, молящие, нежные. Едва ли человек когда-либо перестанет слушать стихийные симфонии моря. Всегда находил он в них и утешение, и восторг, и вдохновение. Разве не воскрешают они в нашей памяти столь популярный в болгарском искусстве образ мифического Орфея, пение которого укрощало диких зверей и сдвигало с места деревья и скалы? Быть может, только люди с глухим сердцем не прислушиваются к музыке моря, к звучанию его неумолкаемых голосов.

Между тем век наш знаменуется не только усилиями творцов музыки, которые, не отрываясь от природы и жизни, ищут самых коротких путей искусства к сердцу народа. Сочинительская энергия иных музыкантов — «мюзик мэйкерз», вспоминаются мне слова Дмитрия Шостаковича, сказанные во время одной нашей встречи, — употребляется нередко на поиски «сверхновых», неслыханных доселе аккордовых клякс и ляпов в виде насильственного сочетания взаимно неконтрапунктирующих линий, дикой нестройности музыкаподобных громосотрясений. И преподносится это как атрибут новых художественных концепций. В музыкальной жизни западных стран, отметил Шостакович, где наблюдается явное засилье мотивов тревоги, обреченности, отсутствие положительных идеалов, ясной цели в жизни, рождаются разного рода течения, оторванные от интересов народа, бесперспективных в самом своем существовании. Это додекафония, электронная музыка, конкретная музыка и иные проявления так называемого авангардизма, который претендует на то, что его приверженцы идут впереди прогресса, что сам прогресс плетется где-то далеко позади них...

Это индивидуалистические течения и веяния, оторванные от живой музыкальной практики, живого биения жизни. Они проистекают из выдуманных их создателями «систем», которым нет никакой аналогии ни в звучащей действительности, в природе естественной и живой мелодики, ни в сложившихся за много веков нормах музыкального искусства.

Еще более уродлива и субъективна, возмущался Д. Шостакович, электронная музыка. Здесь сочинения в додекафонической манере,

абракадабра обрабатывается затем в монтажном столе магнитофона, подвергается воздействию различных скоростей, сдвигается разного рода микрофонными эффектами: взрывами, всплесками, хрипением, визгом... Музыка эта напоминает существ с пластмассовыми чувствами. Она машинный продукт. В ней нет дыхания. Она лишена живой человеческой души.

Мир звуков, поэзия человеческого искусства неизменно жили и продолжают жить в болгарском народе поныне. Быть может, именно теперь огромный этот мир радости стал особенно близок людям труда в народной Болгарии.

И вот сейчас, за просветом моей комнаты, над гладью моря раздаются и доносятся до моего слуха волнующие звуки поющих, носятся видения движущихся огней, которые, как и голоса, то усиливаются, то затихают, чтобы вновь возвыситься и взволновать неизбывной своей душевностью.

По замечанию Льва Толстого, музыка есть «воспоминание о чувствах», и он подробно раскрывает свой тезис в написанных «музыкальных историях». Быть может, как ни у кого другого, музыка в произведениях Толстого входит органической частью в художественную ткань повествования или образа, воздействует на поведение действующих лиц, движет события. В 1851 году Толстой задает себе в дневнике вопросы, которые возникали у него в ходе размышлений и которые затем найдут свое отражение на страницах его произведений: «Отчего музыку древние называли подражательною?.. Отчего музыка действует на нас, как воспоминание? Отчего, смотря по возрасту и воспитанию, вкусы к музыке различны? Почему живопись есть подражание природе, очень ясно (хотя оно не полно); но почему музыка есть подражание нашим чувствам и какое средство каждой перемены звука с каким-нибудь чувством?»

И мы видим, как в произведениях Толстого красной нитью проходят размышления об искусстве, музыкальные сюжеты, в которых раскрывается отношение автора, его восхищение, радость, восторг, удивительное воздействие на писателя исполнения песен, звучание скрипки, рояля, оркестра. На склоне лет Толстой сделает еще одну запись в дневнике: «Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочется чувствовать через них».

Нетрудно понять, что высокий гуманизм художника, который, как Толстой, считал, что искусство есть необходимое для жизни и для движения к благу отдельного человека и человечества средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же чувствах. Толстой, отдавая себе отчет, что искусство и литература недоступны широкому кругу народа, мечтал о том, чтобы как можно больше людей

приобщались к искусству, чтобы оно стало их достоянием. Именно на это указывал В. И. Ленин в 1910 году: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

Сбылось вещее это пророчество, когда, совершив Октябрьскую революцию, многонациональный народ обрел право на искусство, право на доступ ко всем национальным и общечеловеческим сокровищам культуры.

Нет числа ушедшим годам и столетиям, в течение которых на земле Созопола вспыхивали пагубные войны, падали одни жестокие режимы и властители и на смену им приходили другие, кажется, еще более свирепые. Но на этой каменистой земле рождались, жили и навсегда ушли мириады простых смертных. Здесь все ветры встречались. Здесь и прощались, как прощаются люди... Лишь таким, как было, осталось только море, вечное море и скалы. Не сужден морю покой. Волнение его безутешно. И останется море таким, как было извечно, останется и в дни, когда и нас не станет, чтобы встретить новые зори, мерцающие звезды и лунное свечение, ниспадающее по ночам на морскую гладь жидким серебром. Чтобы встретить новых странников у созополских причалов, как встретило нас, и продолжать вечный плеск волн и неизбывные свои песнопения.

ВЗГЛЯД В МИНУВШЕЕ

Посещение Созопола оказалось для меня и путешествием в его родословную, в глубь его исторического прошлого, движением по ступеням судьбы того мира Эллады, с которым связаны неповторимое детство человечества и недостижимые образы вечно живого искусства. Именно в минувшее, ибо день грядущий нам неведом. Будущее, даже ближайшее, туманной завесой скрыто от нашего разума, каким бы проницательным он нам ни представлялся...

О Созополе сложено множество мифов, легенд и сказаний. В них словно отозвалось эхо веков, завещание далеких предков, глубинным нервом ощущавших трагизм и веру человека, время, события.

Из болгарских литературных источников я узнал многое, о чем мне не случалось ранее читать или слышать, и испытал чувство, когда вдруг наступает момент — и все вокруг сморщится по-иному. О далеком и смутном поселении, жилище вольности мирской, у меня возникает совершенно иное представление. Созопол предстал передо мной в новом свете, заставив посмотреть на него удивленными глазами и увидеть край, где живут люди, у которых славное прошлое

и настоящее. Прошлое — это бессмертие народа, обретенное в многовековых жестоких битвах за жизненное свое утверждение на избранной пращурами земле, которые отнюдь не превратились в тень забытых предков. Здесь чтут свое прошлое. Свято хранят память о столь же трагических, сколь и величественных подвигах минувшего века.

И настоящее Созопола — это современные болгары, люди новой социальной справедливости. Где жизнь людей труда развивается по законам гармонии и красоты. Где люди научились жить поверх всего мелкого и низменного, к чему склоняли их социальные условия прошлого. Глядя на будущее с высоты грядущих поколений, невозможно не восхищаться веком нынешним, всем достигнутым в народной Болгарии. Здесь славится труд — главный и решающий фактор человеческого развития и деятельности. Труд, нужный людям, обществу, человечеству. Здесь нет ничего более возвышенного и благородного, чем труд созидательный, вдохновенный, творческий.

Нынешний Созопол — потомок древнегреческих поселений-городов на черноморском побережье Болгарии. В конце VII века до н. э., согласно историческим источникам, отважные дружины молодых людей, покидая землю Милета в Малой Азии и ее владений, отправлялись морем на север в поисках счастья и новой своей родины. Смелое это предприятие требовало в те времена благословения греческих богов. Дружинникам надлежало обращаться к прорицателям в эллинских святилищах. Особенно ценными считались оракульские предсказания и покровительство жрецов, исходивших из прославленного храма Аполлона в Дельфах, а также Дидимского храма, расположенного в Дидимах, неподалеку от города Милета. Помимо жрецов, в этих святилищах находились известные мудрецы, среди которых в Дидимском, например, был знаменитый мыслитель Фалес (VII—VI вв. до н. э.), занимавшийся философской наукой.

Оракулы определяли, кому быть вожаком дружины, который в случае его смерти, согласно предсказаниям, должен был провозглашаться колонистами основателем поселения. Нередко, однако, духовным предводителем оракулы провозглашали самого Аполлона — вечно молодого бога солнца, здоровья и света.

Печальной, согласно летописям, была разлука переселенцев с родимым краем, с землей Эллады. И они стремились унести с собой священный семейный огонь, чтобы он продолжал гореть на новой их родине и таким образом хранились бы узы с покинутым отечеством.

Предание о храме Аполлона в Дельфах встречается в греческой мифологии. Свой храм Аполлон решил возвести в самом центре земли, чтобы все видеть вокруг и чтобы повсюду храм излучал свой свет. Когда же после долгих поисков бог солнца облюбовал место у подножия Парнаса, в глаза ему бросилась царившая там пустыньность и дикость. Вскоре он заметил испуганных людей, которые прятались среди скал и боялись выходить наружу. На расспросы

Аполлона несчастные обитатели пещер поведали ему, что давно уже жестоко страдают от драконообразного чудовища Пифона, пожирающего всех овец и людей, которые только попадают на глаза.

И действительно, Пифон не замедлил возникнуть перед взором Аполлона, на которого он готов был броситься. Это было разъяренное чудовище с окровавленной пастью и скрежещущими челюстями. Но не успел Пифон и шевельнуться, как был насмерть сражен стрелой из серебряного лука Аполлона. С тех пор во всей округе наступил мир и покой.

В одно прекрасное утро над ущельем между скал вознеслись прекрасные белые стены с колоннами храма Аполлона, а потом вокруг стали возникать жилища местных пастухов и землепашцев. И вот настал час дать имя образовавшемуся селению вокруг храма. Стали советоваться. И Аполлон предложил наречь его Дельфи в честь дельфина, который спас его мать от смерти, принес ее на своей спине. Так и порешили. С тех пор мир знает о храме Аполлона в Дельфах.

Более всего прославился храм Аполлона предсказаниями своих оракулов и вещуний-пифий, которые отгадывали судьбу и будущее людей.

В храме Аполлона в роли пифий выступали обычно две молодые девы, посвященные в оккультные тайны. Они поочередно усаживались на треножник над зияющей расщелиной священного скала, из которой исходили одуряющие испарения, переносимые обычными людьми, и производили вещания в состоянии экстаза. Считалось, что вещуньи таким образом вступали в общение с Аполлоном, чтобы получить от него наставления. Оракульские предсказания передавались спрашивающим через посредство жрецов храма, которые перекладывали их в стихи и занимались истолкованием.

Примечательно в этом отношении, что древнегреческий философ Гераклит (VI в. до н. э.), который был моложе милетских философов, в том числе Анаксимандра, отдал должное средствам выражения и самому языку прорицательниц и жрецов. Уверенный, что его устами глаголет мировой разум (тотос), Гераклит, которому удалось сказать так много буквально в двух-трех словах, подражал афористическому и загадочному стилю пифий и сивилл. Свидетельства этому находили в его собственном описании: «Владыка Аполлон, чье прорицание в Дельфах, не говорит и не скрывает, но намекает». И далее: «Сивилла вдохновенными устами вещает мрачное, неприкрашенное и неумажненное, и голос ее, благодаря божеству, звучит на тысячу лет вперед».

Милетские колонисты, по всей вероятности, вдохновленные оракульскими прорицаниями в храме Аполлона в Дельфах, отправились в дальнее странствие на поиски обетованной земли. И перед переселенцами, достигшими в конце VII в. до н. э. берегов Бургасского залива, предстал прекрасный полуостров с идеальными бухтами для морских и рыболовных судов.

Здесь, у самого моря, перед глазами колонистов раскинулась живописная панорама — полная солнца, баюкающего шума лазурных волн. В тихие, безветренные часы, лениво накатываясь, они словно шепчут вам: подожди немного, полюбуйся... Отливая перламутром, бирюзой, морская гладь уводит ваш взгляд к горизонту, постепенно теряясь в теплом мареве. Колонисты увидели здесь иное небо, иной воздух, иной пейзаж, с другими растениями, травами и запахами. Пейзаж, который рождает в душе человека несказанное чувство умиротворения и покоя. Но, помимо благости света и воздуха, колонисты оценили огромные рыбные богатства, которыми Созопол искони славится. Именно Созопол принадлежит к редкому исключению, где лов рыбы ведется круглый год, притом рыбы высшего сорта — паламиды, леферы, скумбрии, ставриды... И милетские переселенцы решили остаться здесь навсегда.

Наука не располагает достоверными сведениями о том, как складывались отношения пришельцев с местным фракийским населением. Сведения наши здесь весьма ограничены. В археологическом музее Созопола мы видели, например, фракийские глиняные сосуды второго тысячелетия до новой эры, которые были найдены на дне созопольского порта. Здесь также выставлены знаменитая надгробная плита гражданина Аполлонии Анаксандра (VI в. до н. э.), бальзамарий в виде сирены, глиняные статуэтки Афродиты и Кибелы, коллекция античных свинцовых и каменных якорей.

К этому следует добавить, что около поселения Поморие сохранилось архитектурное чудо фракийской гробницы, названной протоболгарами именем Тутхон. Примечательны также бургасские дольмены — загадочные погребальные сооружения исчезнувших народов, которые населяли Болгарию еще до фракийцев. Возможно, это были лелеги, карийцы или пеласты, сведения о которых ограничиваются тем, что они существовали...

По мнению археологов, задолго до прибытия милетских колонистов вдоль черноморского побережья существовало каботажное плавание, которое, несомненно, было вызвано к жизни определенными торгово-экономическими причинами. Именно на это обстоятельство обратил внимание известный болгарский ученый Александр Фол во время наших бесед, столь же обстоятельных, сколь и ценных для нас, сперва в Созополе, затем в Софии. Каботажное плавание говорит о многом. Оно свидетельствует о высоком материальном развитии фракийцев, позволявшем им устанавливать и развивать торговые и культурные связи не только между фракийской частью побережья, но и с народами других земель. Это означает, что милетские колонисты могли быть осведомлены о положении дел у фракийцев, об их экономических возможностях, о том, чем богата их земля. Эллинцев, в частности, могла привлекать красная медь, залежами которой славится Созопол с незапамятных времен. По всей видимости,

проникновение колонистов шло с учетом взаимной заинтересованности эллинцев и фракийцев в установлении контактов и общения. Уровень развития тех и других указывал им на оправданность и целесообразность сближения. На этом основании, согласно А. Фолу, правомерно предположение, что между ними могло и не быть вооруженной борьбы, а преобладали мирные отношения, обусловленные взаимной заинтересованностью. Таким образом, прибытие милетских переселенцев скорее было не началом, но завершением определенного периода знакомства греков и фракийцев различными путями и средствами, в том числе и благодаря каботажному плаванию.

Как бы то ни было, милетские колонисты осели на полуострове и нарекли свое поселение Аполлонией в честь бога Аполлона, наиболее почитавшегося в Милете, и посвятили свои усилия созданию здесь большого и красивого города, который возымел бы свое влияние и приобрел историческую славу. Впоследствии, как свидетельствует летопись, Аполлония была переименована в Созополис, или Созопол.

Если всмотреться в маршруты исторического движения греческих колонистов, то нельзя не заметить, что они утверждались на Черноморье с определенной последовательностью и целенаправленностью. Созопол, Несебыр, Ахтопол, Одессос — эти и другие поселения служили им своего рода опорными пунктами на пути в Крым с центром в Керчи.

Сбылись ли, спросим мы, пророчества оракулов из святилища Аполлона в Дельфах, оказался ли для милетских колонистов обретенный край благословенной землей и ожидало ли их здесь счастливое будущее? Стало бы людям лучше, если бы все их желания сбылись? Как было все в действительности? Сама история — лучший судья. Она распорядилась по-своему. И о Созополе можно сказать, что в судьбе его была ночь, и было утро, наступил наконец ясный день. Об участии города напоминают и встречающиеся на улицах Созопола древние руины — каменные глыбы, остатки былых сооружений, кирпичные стены. Немые свидетели отшумевших навсегда дней. Что из себя все это представляло: храм, замки, резиденции? Кто обитал в них в то далекое от нас время, каков был мир их бытия? Любовались ли они ночным сиянием луны? Нет, мертвые уже не раскроют уста. Не воскреснут из мрака веков властители и монархи, свирепые и безликие... Созопол — земля, в недрах которой дремлют сокровища многих культур, слой за слоем напластовавшихся в течение долгих веков.

Прошлые Созопола, возникшего не сразу, не как Афина из головы Зевса, тесно связано с судьбой древнего Милета, который был крупным для своего времени центром и занимал первое место среди двенадцати ионийских городов — греческих колониальных владений в Малой Азии, где на западном побережье издавна обитала ионийская группа греческих племен.

Иония представляла собой благословенный край с мягким климатом и плодородной землей. Об этом в своих сочинениях писал древнегреческий историк Геродот (около 485—425 гг. до н. э.): «Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые — от жары и засухи». Обогнав в своем развитии материковую Грецию, Иония превратилась в доминирующую страну Эгейского бассейна не только в социально-экономическом, но и в духовно-культурном отношении. Примечательно, что Иония была наиболее близка к восточной культуре. По меткому выражению Герцена, «Иония — начало Греции и конец Азии».

Иония также известна как колыбель греческого эпоса, лирической поэзии и прозаической литературы, возникших в те далекие времена. Именно в творчестве ионийских поэтов получило первое свое выражение пробуждавшееся индивидуальное самосознание. Рождение первых авторских прозаических произведений явилось великим событием в духовной жизни Ионии. В противоположность стихам, удовлетворявшим эстетической потребности, прозаические записи преследовали практические задачи — сохранение в памяти ценных наблюдений, из которых впоследствии возникла наука. Язык такой трезвой, рассудочной мысли служит прежде всего для удовлетворения научных запросов. Среди ионийских прозаиков-логографов наиболее нам известен Кадм Милетский, написавший книгу «Основание Милета» (VI в. до н. э.).

Славилась Иония своей школой ваияния, которая сложилась в VI в. до н. э. и характеризовалась «расплывчатостью и мягкостью форм, и нежной любовной обработкой поверхности...»

Иония была средоточием философской мысли, одним из первоочагов научного мышления. Отсюда вышли многочисленные философы, заложившие основы знаменитой милетской школы, с которой и начинается тысячелетняя история античной философской мысли. Ионийской философией, явившейся определенным течением в античной философии, принадлежала роль передового направления, которому был присущ стихийный материализм, наивная диалектика и натурфилософия.

Бесценен вклад античных философов в сокровищницу научного постижения мира. И как бы далеко ни отстояло от нас время, деятельность древних мыслителей имела неумирающее значение. «Греки, — писал Маркс, — навсегда останутся нашими учителями благодаря... грандиозной объективной наивности, выставляющей каждый предмет, так сказать, без покровов, в чистом свете его природы, хотя бы это был и тусклый свет». Высокую оценку древнегреческой философии, в том числе самых ранних, простых философских построений, первые из которых принадлежат мыслителям из города Милет, находим у классиков марксизма. Ф. Энгельс

отмечал, что «древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками...» Но, оставаясь «прирожденными, стихийными диалектиками», милетские мыслители опирались на мифологическую традицию, и для них более очевидным была подвижность и изменчивость бытия. Милетская школа утверждалась деятельностью трех сменявших друг друга мыслителей: Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена.

Сюжет античных взаимосвязей Созопола и Милета, возникновение города-государства Аполлонии — производной Милета, своеобразной его колонии, где утверждался духовный и материальный мир Эллады, меня все более увлекал. Но нужных мне книг в Созополе не оказалось. К тому же местные мои знакомые сообщили, что истории города пока еще никто не написал...

Обращения мои к старожилам города оказались малоутешительными. Они сокрушенно качали головами, отмечали нелепость положения и признавали не без горести, что давно пришло время и надо что-то делать... Я все более чувствовал приближение конца эмоциональной своей устойчивости. И мне, испытавшему, как пахнет жизнь, пришлось почувствовать всю озабоченность сочинителя, который живет и общается со всеми, но писать обязан один... Человек, однако, не должен попадать сам себе под ноги, пытался я себя утешить. Обнажился тот предел, за который, казалось, не перешагнуть... Вечность и одиночество, подумалось мне, — самая подходящая тема для раздумий на берегу моря или в музее древности.

Но давно известно: мир не без добрых душ. Излишне и говорить, что я будто захватил небо и прикоснулся к звездам, когда услышал от своих коллег, что принимавшая участие в нашей работе профессор Л. Тодорова, историк философии, может помочь мне своей консультацией. Лилия Тодорова — выпускница Софийского университета, окончила Академию общественных наук при ЦК КПСС в Москве и после защиты диссертации работает в Институте международных отношений при Академии наук Болгарии.

Передо мной вновь раскинулся за окном необъятный простор моря, захвативший весь горизонт своей взволнованной синевой. Природа раскрывает человеческому взгляду не только радость, ощущение естественной красоты, но и всегда заманчивые перспективы. Служит творческим вдохновением, поднимая дух, тонус психологического состояния.

— Излагать по памяти историю античной философии, творческое постижение мира древними греческими мыслителями — задача, конечно, весьма нелегкая, — заметила Л. Тодорова в связи с моей просьбой проконсультироваться...

— Ученому, разумеется, не положено заниматься догадками и полагаться лишь на память, которая у человека, увы, не самое безотказное и совершенное устройство. Мы, несомненно, должны

основываться на твердой почве и точности фактов, но... — пытался я объяснить создавшуюся ситуацию.

— Но... в силу обстоятельств, когда мы не располагаем справочной литературой, ничего не остается, как соблюдать хрупкое равновесие человеческой памяти...

— В конце концов каждый слышит и помнит только то, что понимает и сохраняет в памяти.

— В таком случае попытаюсь воспроизвести все, что удерживает моя память о прославленной милетской школе философии, которая интерес представляет прежде всего в связи с Созополом... Конечно же, это будет совсем неполное, скорее эскизное представление.

Заранее простите мою медлительность, пожалуйста. Думается, что не смогу, извините, слишком энергично крутить педали...

— Так ведь огромен путь исторического движения... скоро, кажется, исполняется тысяча триста лет?!

— Верно, одна тысяча триста лет — юбилейная дата болгарского государства, которую мы будем отмечать в 1981 году. Но этому предшествовал период созревания условий для рождения государственности, период, охватывающий еще не менее тысячи трехсот лет, по крайней мере это относится к той земле, на которой возник Созопол. Об этом уместно вспомнить, ибо на Западе предпочитают говорить лишь о своей истории и не очень охотно признают культуры других народов, в частности славянских...

И в памяти моей вновь всплыли гневные слова Георгия Димитрова, бесстрашно брошенные гордым сыном Болгарии в лицо нацистским прокурорам во время Лейпцигского процесса: «Мой болгарский народ называют «диким и варварским»! ...Дикари и варвары в Болгарии — только фашисты. Но я спрашиваю, господин председатель, в какой стране фашисты не дикари и не варвары?» Еще в те времена, продолжал Димитров, когда «германский император Карл V говорил, что по-немецки он обращается только к своим лошадям, а немецкие дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стыдились немецкого языка, в «варварской» Болгарии равноапостольные Кирилл и Мефодий создали и распространили древнеболгарскую письменность...»

— Кому-то принадлежит афористическое выражение, — продолжила Л. Тодорова, — что искусство — это память. Свою память далекие наши предки, жившие на болгарской земле в доисторический период, воплотили в неподражаемые произведения искусства. Достаточно упомянуть лишь о нескольких археологических находках — о золотых кладках: Хотницком, относящемся к эпохе энеолита, Вылчитрынском (VIII в. до н. э.), Летницком (V—IV вв. до н. э.), Панагюриштском (IV в. до н. э.), известном как Тракийское золото, и т. д. Причем это не просто золотые вещи или изделия. Это подлинные произведения тончайшего искусства, которыми невозможно не восхи-

щаться. Такова «золотая память» о времени, жизни и культуре, которая насчитывает свыше двух с половиной тысячелетий.

После этих упреждающих замечаний Л. Тодорова приступила к изложению существа проблемы, внимательно подбирая нужные определения, точные формулировки. Воссозданная ею картина словно бы пролила для меня свет на духовный мир, в котором древние мудрецы в Ионии вели неустанные поиски истины, создавая свою школу мысли...

Значительный интерес для нас представляет милетская школа философии, возникшая в Ионии — наиболее передовой в VII—VI веках до н. э. части эгейского мира, раньше всего потому, что величайший ее мыслитель Анаксимандр имел непосредственное отношение к Созополу. Именно Анаксимандр, жизнь которого описана, хотя и скупо, древнегреческим автором Диогеном Лаэртским (первая половина III в. н. э.), руководил очередным выселением из Милета в Аполлонию — милетскую колонию на Черном море, основанную в конце VII века до н. э. Иными словами говоря, возникновение и развитие Аполлонии прямым образом связано с деятельностью выдающегося милетского мыслителя Анаксимандра.

— И дело здесь, — продолжала Л. Тодорова, — не только в том, что Анаксимандр лично участвовал в решении судьбы Аполлонии. Значительно существеннее то, что в этот город-государство великий ионийский мыслитель привнес свое мирознание, свои принципы и критерии в оценке материального и духовного бытия. В истории человечества, кажется, не так много случаев, когда философы могли практически претворять свое учение в общественно-политической жизни и формировать основные законы социальной, нравственной и культурной жизни.

— С давних пор люди вынашивали мечту о справедливом обществе и свято верили в его пришествие. Надежду на светлое будущее в своеобразной форме выражала философская мысль, которая получила определение как социальная утопия. Мы знаем, что представления о справедливом общественном и государственном устройстве изменялись, приобретали новые черты, обогащались в процессе исторического движения и научных достижений, однако не приближались к реальному достижению мечты. Кое-что в этом отношении пытались сделать социалисты-утописты...

— Именно только пытались... — заметила Л. Тодорова. — Томмазо Кампанелла, например, в своем сочинении «Город Солнца» нарисовал идеальное государство, в основе которого лежат принципы справедливости и человеческого счастья, отсутствует частная собственность, всеобщий труд гарантирует изобилие. Свой коммунистический идеал он обосновал велением разума и законами природы. Известен также печальный опыт социалиста-утописта Роберта Оуэна, который, не понимая необходимости социальной революции, пытался на свои

собственные средства создать коммунизм в условиях капитализма, но потерпел жестокое фиаско и жизнь свою закончил нищенски...

— Печально, конечно, что возвышенные и гуманные их идеи не нашли своего воплощения в реальности...

— Но все это, как вы хорошо знаете, не прошло бесследно. Лишь по прошествии двух тысяч шестисот лет мир ознаменовался рождением государства, у колыбели которого стал великий Ленин — гениальный мыслитель, сумевший в результате Октябрьской революции претворить в жизнь самые дерзновенные мечты человечества и впервые в истории заложить основы государства, которое руководствуется принципами высшей социальной справедливости и гуманности.

— Разработка идей научного социализма классиками марксизма-ленинизма — величайшая победа теории и практики, раскрывшая смысл человеческой жизни и деятельности, ту смелую цель, которая заслуживает преемственного труда многих поколений. В этом человечество увидело созидание совершенного общественного строя...

— Не все, однако, верили в реальность осуществления мечты. Помните, как знаменитый фантаст Герберт Уэллс, пытавшийся в своих романах заглянуть в будущее человечества, был охвачен сомнениями и страхом, когда увидел в самый тяжелый год совсем молодого еще Советского Союза голод, разруху, эпидемии, уносившие множество людей. Ему казалось, что он очевидец гибели крупнейшего государства и всей человеческой цивилизации. Именно тогда Герберт Уэллс вошел в кремлевский кабинет Ленина, чтобы услышать русского своего собеседника, названного им кремлевским мечтателем. Вскоре Уэллсом были написаны слова восхищения о человеке высшего оптимизма, который говорил с таким жаром, что, когда писатель его слышал, он почти поверил в осуществление этого. Теперь мечта стала фактом реальности, дерзкая мечта человека в Кремле, которую не в силах был себе представить едва ли не самый смелый из художников-фантастов.

— Собственно, без малого на протяжении полутора веков оппоненты нашего революционного учения тщетно пытаются его опровергнуть, подвергнуть ревизии, извратить, кто как способен... И что же? Идеи научного коммунизма продолжают овладевать сознанием все более широких сфер во всех странах Востока и Запада. Продолжает совершенствоваться реальное социалистическое общество уже не в одной России, но во многих странах Европы и Азии. Что же касается философии, то она приобрела в наш век огромное значение именно благодаря марксистско-ленинской науке и играет несопоставимо большую роль, чем это было когда-либо, начиная с эпохи Анаксимандра...

— Философия сегодня, — добавила Л. Тодорова, — пронизывает жизнь каждого общества в условиях существующих противоположных социально-политических систем. Разумеется, речь идет

о разных философиях и о том, что каждая из них реализует свои основные принципы, проникая во все области материальной и духовной жизни.

— Философия — важнейший фактор не только внутренней жизни государства и народа. Она интегральная часть международных отношений и взаимосвязей, сильнейшее орудие в идейном противоборстве Востока и Запада, в духовной борьбе антимиров. И будущее принадлежит той философской науке, которая способна предложить человечеству наилучший образ жизни. Смеею думать, что именно марксистско-ленинское мировоззрение в наибольшей степени обладает этими качествами.

Занимаясь науками, в том числе систематизируя математические знания (согласно византийскому словарю Свиды, X век, Анаксимандр «дал общий очерк геометрии»), Анаксимандр на базе этих научных изысканий создал свою философскую систему, которая в определенной мере вобрала в себя и научные взгляды его учителя и друга Фалеса, принадлежащего к милетской школе.

Мировосприятие самого Фалеса (около 624—547 гг. до н. э.), первого исторически достоверного представителя древнегреческой философии, характеризуется изречениями, которые ему приписывает традиция: «быстрее всего мысль, потому что она обегает все», «больше всего пространство, потому что оно все в себя вмещает», «сильнее всего необходимость, ведь она над всем одерживает верх», «мудрее всего время, потому что оно все открывает». Согласно Свиды и другим источникам, Фалесу принадлежит также широко известное изречение «познай самого себя». И хотя мысль эта связывается с именем Сократа, известно, что она написана на стене храма Аполлона в Дельфах. Фалес считал, что самое трудное «познать самого себя». И ему приписываются выражения «соблюдай меру» и «хочешь беды — обручись». Когда матушка уговаривала его жениться, он отвечал: «Еще не время», а потом, когда время было упущено, он на советы матери отвечал: «Уже не время».

О Фалесе в литературных источниках существует представление как о чудаковатом философе, далеком от каждодневной реальности, от жизни. У древнегреческого философа Платона (V — IV вв.) встречается следующая запись о Фалесе: «Подняв глаза к звездам и наблюдая их ход, он упал в яму, и народ смеялся над ним, говоря, как может он познать то, что происходит на небе, когда он даже не видит того, что у него под ногами». Но знаем мы и реплику Гегеля на эту запись Платона: «Народ смеется над такими вещами и обладает тем преимуществом, что философы не могут воздать ему таким же смехом; но люди не понимают, что философы смеются над ними, которые, разумеется, не могут упасть в яму, потому что они раз навсегда лежат в ней и не обращают своих взоров ввысь».

По сведениям древнегреческого философа Фемистия из Пафлагонии (IV в. н. э.), Анаксимандр первым из эллинов решился выступить

с письменным сочинением о природе. Философское учение Анаксимандра весьма сложная натурфилософская система, в которой обозначенное в общих чертах Фалесом нашло свое развитие и конкретное выражение. Анаксимандром был сделан существенный шаг вперед в разработке многих положений философского мировоззрения, в развитии метода абстрактного мышления. По утверждению древнегреческого философа Симплиция из Киликии (VI в. н. э.), «Анаксимандр Милетский, сын Праксианда, преемник и ученик Фалеса, сказал, что начало и основа всего сущего — апейрон. Он первый приложил это название к началу». Речь, таким образом, идет о том, что апейрон есть начало и генетическое и субстанциональное. Принципиально важным было единство всех ученых древности в том, что апейрон есть материально-вещественное начало. Согласно древнегреческому историку Аэцию, «...апейрон есть не что иное, как материя». Добавим, что, характеризуя апейрон, Гегель признает, что Анаксимандр понимал под ним не что иное, как «материю вообще, всеобщую материю».

Все это дает основание сказать, что Анаксимандр был «природным, стихийным диалектиком», представляющим окружающий мир в качестве «...бесконечного сплетения связей и взаимодействия», где «ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает». Милетская философия для нас имеет первостепенное значение как одна из первых форм нашего философского материализма.

Мы знаем, что эпоха, в которую складывался материализм милетской школы во главе с Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом, была эпохой непрекращавшейся борьбы торгово-промышленных социальных сил против земледельческой аристократии. Именно в этот период милетские философы выступали с позиции материалистического мировоззрения против космогонической мифологии, доказывая возникновение и развитие Вселенной, а также и всего живого на Земле естественнонаучным путем. Таким образом, представления и традиции гомеровской и гесиодовской мифологии, мистические легенды были подвергнуты серьезному сомнению и критике. Все это в огромной степени способствовало пробуждению и развитию индивидуального самосознания, формированию морали и нравственности.

— Все это, — сказала в заключение Л. Тодорова, — выдвинуло Ионию в центре с главным городом Милетом на позиции ведущей в мире силы не только в экономическом, но и в духовном, культурном и художественном отношении. А это означало, что милетские переселенцы в Аполлонию, возглавлявшиеся крупнейшим мыслителем Анаксимандром, несли с собой материальную и духовную культуру на болгарское побережье Черноморья, в нынешний Созопол. Нельзя забывать, однако, что эллинский слой культуры на этой земле не был первичным. Ему предшествовала, насколько позволяют судить

наши знания, древнейшая культура самобытного народа. Результаты археологических раскопок позволяют нам утверждать, что фракийцы обладали своим собственным мироощущением и вкусом. А способность видеть и ощущать — это не всегда и не исключительно дар природы. Скорее в этом надо усматривать и в немалой мере результат культуры и воспитания.

— И это тоже в потоке памяти?..

— Да, это тоже относится к немеркнущим краскам прошлого, которое нашло свое воплощение в предметах искусства фракийцев, обнаруженных в земле Созопола и, в частности, выставленных в местном археологическом музее. Они, несомненно, помогают осмыслению художественных традиций.

— Но чтобы освоить духовные и материальные эти традиции, нужно, видимо, новое освещение истины живым взором современника?!

— Это, конечно, так. Но, позвольте напомнить, оружием первого художника, как мы видим на примере фракийцев, был, в общем, все тот же камень, грубо обтесанный, но острый, как резец, кремль. Во всем в конечном итоге обнаруживаются камни и корни. От них и философское, и образное, и эстетическое видение мира: единство малого и необозримого, капли росы и солнца, ручья и времени, мгновения и вечности... И хотя в Созополе остались лишь руины былых сооружений, но и они обнаруживают давность цивилизации, деяния древних предков этой земли, их заботы, помимо минувшей власти, о гуманности, о прекрасном в жизни, о понимании природы и восхищении ее неповторимостью, об их битвах с врагами, в защиту жизни на земле, национальной своей сущности, культуры, языка.

— Прискорбно, однако, что в Созополе немного сохранилось памятников древней Аполлонии. Ведь говорят: и камни старятся... Оседают, меняют цвет, покрываются морщинками. Особенно, когда они образуют стены и плиты на дороге. Между тем в Несебыре, который мы посетили по пути в Созопол, встречаются многочисленные памятники античного мира. Как и Созопол, Несебыр один из самых привлекательных древних морских городов Черноморья, также расположенный на скалистом полуострове, сумел сохранить памятники многих культур: фракийской, эллинской, римской, византийской, древнеболгарской...

— Чем же, по-вашему, объясняется это явление?

— Подобный вопрос, конечно, можно было ожидать. Попробую изложить некоторые факты, а выводы, надеюсь, вы сделаете сами...

Несебыр (Мессемврия)— город фракийского происхождения, как и Созопол. Мы любовались там каменными монументами — сокровищами великой памяти, точной, как истина, которой едва ли обладает бумага или папирус. Сколько величественности в старинных храмах, шедеврах античной архитектуры, сколько мастерства в его

очертаниях, сколько загадочности в сумеречной тишине их сводов... Добротный и надежный был материал, которым пользовались предки этого полуострова. Но камни старятся, как все, что под гнетом времени. А летописи нет. Они не подвластны времени...

Именно в Несебыре, скажу это и по личным впечатлениям, можно увидеть трехликий образ Гекаты, богини подземного царства. Это один из самых утонченных древних памятников, найденных в Болгарии. Здесь же сохранилась знаменитая икона Богородицы с младенцем, датируемая 1342 годом, — с тремя надписями на серебряной ризе, выполненной по заказу родственников царя Ивана Александра. Большую ценность представляет также прославленная трагикомическая маска актера, относящаяся к III веку до н. э.

Согласно летописям, достигнув процветания, Аполлония сама приступила к созданию своих колоний на Черноморье. К ним относились Анхиало (ныне город Поморие) и Иниада, которая теперь находится на территории Турции. Когда же в 72 году до н. э. римляне овладевали греческими городами на побережье Черного моря, месемврийцы (несебырийцы), несмотря на свой военный союз с Аполлонией, поспешили вверить свой город римлянам и таким образом сохранить Несебыр целым и невредимым. Между тем Созопол оказывал римлянам ожесточенное сопротивление всеми доступными средствами. И что же? Это привело город к разрушению...

Известно, что полководец Марк Лукулл вместе со своими легионами прославился тем, что среди отпущенного на своих судах награбленного добра увез в Италию и тринадцатиметровую бронзовую статую Аполлона — скульптурный шедевр Коломиса, — стоявшую в храме его имени в Аполлонии. Теперь этот монумент будто бы стоит в Капитолии, хотя, по чести говоря, ему следовало бы стоять там, где он был создан. Можно надеяться, что это когда-нибудь все же случится...

Шли годы и десятилетия. Созопол вновь затем поднимался из своих развалин и снова подвергался разрушениям. До нашего времени дошли небезынтересные сведения об экономическом могуществе городов на болгарском побережье Черного моря. Речь идет о документах Амадея Савойского, который очень точно записывал все суммы денег и товаров, которые взимали в качестве откупа и добычи.

Кстати, с именем Амадея Савойского связана высеченная на мраморной плите надпись на одной из пилястр Старой митрополии в Несебыре: «И пусть мой вопль коснется ушей твоих». Слова эти взяты из сто первого псалма и связывают с походом Амадея Савойского, который будто бы отправился освобождать гроб господень, но свернул с пути истинного, чтобы поразбойничать на болгарской земле...

Согласно Амадею Савойскому, в 1366 году крестоносцы захватили и опустошили большую часть побережья. В исторических документах

отмечено, в частности, что Анхиало откупился от угрозы разрушения ценой в 2724, Эмона — 1100, Несебыр — 17 240 золотых перлери, а Созопол, в знак несогласия захлопнувший двери перед крестоносцами, после ожесточенной борьбы был за это ограблен и разрушен. Семнадцатью годами позднее, в 1383 году, Созопол снова был втянут в кровопролитную битву и захвачен турками, гнет которых длился пятьсот лет...

— Выводы действительно, — согласился я с профессором Л. Тодоровой, — напрашиваются сами собой. Борьба за независимость и свободу всегда обходится человечеству чрезвычайно дорого, стоит больших жертв. Капитуляция соседних с Созополом городов, конечно, помогла спасти памятники истории для будущих поколений, но мужество и гордый дух Созопола сохранили потомкам высокий нравственный пример...

В этой связи невольно в памяти всплыла странная идея богатой немецкой кинофирмы «УФА» обратиться в 1934 году к болгарскому правительству заключить сенсационную сделку. Поджечь Созопол, чтобы заснять для своего сверхбоевика грандиозный пожар города... А потом на пепелище создать курорт с железобетонными отелями, ресторанами, ночными барами...

Спустя годы Фридрих Хитцер, главный редактор литературного и обществено-политического журнала «Кюрбискерн», посетивший Болгарию, опубликовал статью «Размышления на созопольских берегах», в которой, в частности, он вспоминает о предложении кинофирмы, которая готова была поджечь весь Созопол ради одного кадра. Это, видимо, нужно было для создания супербоевика в голливудской манере. Какая варварская затея капиталистической развлекательной кинопромышленности! Добавим, что бизнесмены вообще далеки от понимания того, на что способен народ в условиях социализма, особенно народ, который пережил османское иго и фашизм. И вот тот самый киноконцерн, как и многие другие, наверное, давно уже обанкротился, а Созопол продолжает существовать, древний и юный...

В небольшом западногерманском городе, отмечает Хитцер, самое важное — это универмаг. Тогда как в Болгарии, как и в большинстве социалистических стран, самые важные здания — это училище, больница, а также, разумеется, детские сады, молодежные клубы и дома культуры. Именно в этих институтах, думается мне, раскрывается историческое сознание народа.

Интерес, пожалуй, представляет также история с переименованием города, который сперва, как мы помним, был наречен Аполлонией, а потом, отказавшись от имени своего бога, Аполлона, назван Созополом.

— Существует, — сказала Л. Тодорова, отвечая на мой вопрос, — две версии. Согласно первой, город был переименован потому, что он

часто оказывался пристанищем для потерпевших кораблекрушение. За ним утвердилась слава «города спасения», что по-гречески звучит Созополис. По другой версии, Аполлония была переименована в Созополис в связи с принятием христианской религии в греческих поселениях. И мы знаем, что с тех пор все греческие города, носившие имя Аполлона, а таких было немало, стали переименовываться в Созополис, поскольку Аполлон, как было отмечено, считался богом солнца, здоровья и спасения...

Таким образом, население Аполлонии отказалось от язычества и пантеона его богов, приняв новую веру. Отказалось от Аполлона, которому, как мы помним, вчера еще поклонялось и в знак верности возвело величественный храм в Аполлонии, водрузило уникальную его статую, а сегодня приступило к возведению новых идолов, к созданию новых базилик и церквей, даже меняя названия городов и храмов.

Скудны археологические сведения о прошлом Созопола. Их предстоит пополнить разысканиями исследователей. Под землей полуострова таятся фундаменты и остовы крепостных стен и общественных строений. Дремлет еще множество ценнейших памятников материальной и духовной культуры былого города-государства. Извлечение их из-под вековых наслоений земли поможет нам восстановить достоверную картину жизни далеких предков давно минувших дней. Поможет открыть античный город-государство Аполлонию, оценить поэтическое его название Созопол — «город спасения». Не без причины Созопол объявлен болгарским государством городом — музейным заповедником.

Мне оставалось лишь поблагодарить профессора Л. Тодорову за весьма полезный и ценный экскурс в историю греческой философии и одновременно с не меньшей искренностью выразить извинение за то, что явно злоупотреблял вниманием и временем человека в день его рождения.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

К Болгарскому государству Созопол был присоединен во время правления выдающегося полководца и первого болгарского законодателя хана Крума (803—814 гг.), который высоко чтился в Созополе. Здесь ему установлен мемориальный каменный барельеф в центре города, на площади Созополской коммуны. Кроме того, имя его носит одна из главных улиц города. Это был период, когда болгары, разгромив аваров на западе, нанесли в 811 году самое крупное поражение Византии, во время которого в сражении погиб и сам император Никифор I.

Напомним, что Болгарское государство было основано в 681 году в результате союзного договора между протоболгарами и южными

славянами, которые еще в VI веке поселились на Балканском полуострове и вели борьбу против ненавистного византийского ига. В VII веке из района Азовского моря на Балканский полуостров пришли протоболгары — племя тюркского происхождения и под водительством хана Аспаруха в 680 году разбили в устье Дуная многочисленное войско Византии, поселившись на территории нынешней Северо-Восточной Болгарии. Начало славяно-болгарскому государству было положено заключением союза между протоболгарами и славянскими племенами. Достижение военного и политического могущества Болгарским государством относится к периоду IX—X веков, особенно при царе Симеоне. Именно в это время византийцы потерпели самое тяжелое поражение в битве при реке Хелой на берегу Черного моря, неподалеку от Созопола. Решительный толчок социально-экономическому и культурному развитию Болгарии, как отмечается в литературных источниках, сообщила славянская письменность, созданная в 855 году братьями Кириллом и Мефодием, славянами по происхождению, родившимися в городе Солуни (Салоники). Поистине тесен мир: одна из лучших улиц в Созополе, где в одном из старинных домов мне случилось провести около месяца, носит имена братьев Кирилла и Мефодия.

Расширением болгарской территории создавались условия для существенного развития материальной и духовной культуры, расцвета архитектуры. К этому времени Преслав, вторая столица Болгарии, становится главным очагом славянской письменности и культуры. Отменен был греческий язык, вся документация стала вестись на славянской письменности, распространение которой способствовало возникновению официальной, а затем и апокрифической литературы на славянском языке. Именно в эту эпоху, получившую название золотого века болгарской литературы, огромную творческую деятельность развернули первые болгарские писатели: Иоанн Экзарх, Константин Преславский, Черноризец Храбр и многие другие литераторы. Официальная и апокрифическая литература способствовала утверждению славянского языка и письменности, формированию болгарской народности, которую спланивала самобытная культура в Болгарии, и оказывала благотворное влияние на духовное развитие соседних славянских народов. Следует сказать, что византийцы не оставляли тщетных своих усилий, направленных на порабощение болгар, продолжали совершать грабежи и насилие, пытались убить самосознание и культуру болгар. Но господству и произволу иноземных поработителей не сужден был долгий век. В результате народного восстания Византия была вынуждена признать независимость болгарских земель к северу от Планины, что и положило начало Второму болгарскому государству со столицей в Тырново.

Однако в середине XIV века Болгария оказалась перед лицом новой опасности — захватнической войны со стороны Османской империи.

В результате длительной борьбы и осады туркам удалось овладеть Тырновом, а затем захватить и вторую болгарскую столицу — Видин. С этого момента средневековая Болгария превратилась в провинцию Османской империи. Лишь после длительной войны, которую Россия объявила в 1877 году, Турция подписала мирный договор и признала независимость Болгарского государства.

После захвата Болгарии османскими поработителями Созопол погрузился в забвение, пребывал в унизительном запустении и нищете. Мужественные жители Созопола, однако, не прекращали своей борьбы против турецких угнетателей вплоть до дня освобождения города 10 января 1878 года пришедшими сюда русскими войсками. Созопол встретил русских освободителей как долгожданных братьев, приютил в стенах своей крепости тысячи болгар из окрестных сел, искавших убежища от ятагана башибузуков.

Русская революция семнадцатого года возвестила начало новых перемен. Начало крушения политических режимов, складывавшихся столетиями, коренного перелома в общественном сознании и образе жизни людей. Знаменательно, что в 1919 году в городе была провозглашена просуществовавшая одиннадцать месяцев Созопольская коммуна.

Когда гитлеровская Германия 22 июня 1941 года совершила вероломное нападение на Советский Союз, Болгарская коммунистическая партия без колебаний приняла курс на вооруженную борьбу против нацистских агрессоров и их болгарских приспешников, а в 1942 году по инициативе Георгия Димитрова был образован Отечественный фронт, объединивший все прогрессивные демократические силы в борьбе против фашизма, за спасение Болгарии.

В годы Отечественной войны созополцы делали все, чтобы сберечь от врага советских подводников, действовавших в прибрежных районах Бургаса и Созопола, внося тем самым свой посильный вклад в общее дело победы над фашизмом.

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом революционное движение в Болгарии приняло массовый характер. Жестокий террор в стране не задушил, но лишь усиливал борьбу народа.

8 сентября 1944 года советские войска вступили на болгарскую землю, где они были встречены народом как освободители хлебом и солью. В ночь с 8 на 9 сентября монархо-фашистскому режиму в Софии был нанесен решительный удар. Было создано правительство Отечественного фронта. Впервые в истории болгарский народ взял власть в свои руки, став полновластным хозяином своей судьбы.

...И мысль вновь ведет меня в Созопол. Мысль о моих соплеменниках и о разной их доле. Мысль эта, как неподвластная сознанию сила, возникнув однажды, продолжает жить и, подобно океанской волне, имеет ритм видимого и невидимого проявления, вечно существуя в своем нескончаемом самодвижении.

По вечерам, когда в Созополе затихает волнение воздуха и от нагретой земли исходит теплое парение, вокруг возникает неизъяснимая благодать, вселяющая в душу шуршащий покой, мечтательность, ощущение неделимости с вечностью. Ничто не предвещает бурю. На светлеющем небосводе ни единого облака. И дорога приводит меня на пристань Созопола. Здесь, у рыбацкой гавани, всегда оживление. Приходят и уходят на лов рыбаки, у которых от ветра, соли и солнца багровые руки. Снуют деловито загорелые, меднолицые созополские мореходы, которые нередко носят бородки под норвежских шкиперов прошлого века. Это люди, преданные своему краю и нелегкому промыслу, широкие, исполненные достоинства, справедливости. Они здесь — истинная соль земли. В Созополе, однако, все рыбаки. Здесь, сказали мне, нет нерыбаков.

Весь массив полуострова, природное его пространство, весь размах Созопола обращены в открытое море, неохватные его просторы уводят за неуловимый горизонт.

Созополские рыбаки — особое племя. Они мудры, сострадательны, отзывчивы. Вечен и благороден их труд. В нем опыт веков, преемственность, традиции и навыки сурового дела их жизни, они чувствуют глубже, чем иные обитатели суши, — пресыщенные и беззаботные, к кому удача приходит легко.

У созополской пристани нет широко простирающихся молдов. Жилые дома рыбаков и портовые постройки, прижатые друг к другу, располагаются вплотную к пристани, за рубежом которой море покачивает, словно в жидком малахите, спокойный солнечный закат и многокрасочные шхуны на рейде, неуклюжие баржи в заливе, издающие запахи рассола, острого, как нашатырь. А рядом, на прилавке у сонного «пращура», опустившего голову на руки, разложены плоды его баштана — черноморские сладкие арбузы и пахучие дыни, которые он готов уступить любому любителю бахчевых.

Неожиданно внимание мое привлекла мемориальная плита, врезанная в каменную стену — ограду углового дома на пристани... Рядом чешма, водопроводная колонка с тремя кранами. На дорогах Болгарии, в поселках и городах мне часто приходилось делать привал у чешмы, сделанной то в виде сооружения из дикого камня, то в виде различных фигур или керамических сосудов. Роскошную мраморную чешму видел я в знаменитом доме Степана Хикулияна эпохи болгарского Возрождения в старом Пловдиве. У чешмы всегдалюдно, особенно в знойный час. Человека влечет сюда жажда, которую он утоляет прохладной влагой источника.

Мне приходилось много путешествовать по свету, часто бывать в различных странах огромного и не до конца познанного нашего мира. Это давало мне возможность знакомиться с жизнью и историей разных народов Востока и Запада. Но нигде, пожалуй, кроме

Болгарии, не встречается столько источников, с таким вкусом и любовью сделанных человеком и бескорыстно обращенных во благо других, во благо всех людей, которые испытывают жажду. Чешма не служит источником чьей-либо наживы. Никому не позволено извлекать из этого корысть. Не потому ли в странах Запада, прежде всего в богатейшей из них — Соединенных Штатах, такие колонки с бесплатной водой — явление редчайшее, почти не существующее.

Однажды болгарские друзья, наверное, углядев в наших глазах изумление, рассказали, что на их земле с давних пор существует неписанный закон: каждый болгарин непременно должен сделать чешму и лично посадить дерево. Только тогда жизнь человека не пройдет бесследно. И потому болгары хорошо помнят и знают источник, из которого пьют, и ценят тень под кроной деревьев, которые высаживаются для всех путников.

И вот здесь, на созопольской пристани, стоит такая чешма. К ней припадают рыбаки и мореходы, возвращающиеся с промысла или дальнего плавания. Здесь встречаются многие люди — болгары и иностранцы. Сюда устремляются писатели и художники, которые долгие часы проводят в порту в поисках и творческих находках. Всех их влечет чистая родниковая влага чешмы. Утолив жажду, они, поднимая глаза, читают, как прочел и я, выбитые на черном мраморе слова:

«12 сентября 1944 года в Созополе погиб старший сержант Красной Армии Иван Иванович Рублев, спасая жизнь многих граждан и детей.

Поклон перед светлой его памятью. От признательных граждан Созопола».

Что же произошло тогда, чем вызвана смерть русского воина в Созополе? Ведь в те сентябрьские дни не было боев? — невольно возникали у меня вопросы, и я обратился к стоящим поблизости рыбакам, набравшим в канистру пресную воду из чешмы перед уходом в море.

— Он пал здесь бесстрашно... от руки подлых убийц... фашистских извергов, — угрюмо ответил мне загадочный рыбак и умолк, долго всматриваясь в багровый горизонт, словно на его фоне лучше видна душа человека, истинная его сущность.

В разговоре с подошедшими рыбаками, узнавшими во мне земляка Ивана Рублева, выяснилось, что произошло это в день освобождения Созополя от немецких фашистов, когда созополцы радушно приветствовали советских моряков. Во время многолюдной торжественной встречи... внезапно раздался голос И. Рублева: «Ложись!» Сам он кинулся вперед и накрыл своим телом брошенную диверсантами гранату... Сержант погиб на месте, принес в жертву жизнь свою, чтобы спасти жизни многим находившимся вокруг людям.

Такова неприбранная история правды, правды подвига, которую я услышал от созопольских рыбаков и которая показалась мне выше и прекраснее причесанных сочинений, гладкописанных версий.

Хотя это лишь черточки времени и событий, происходивших во время жестоких кровопролитий, все же от неуваждающей памяти, которая живет в людях, в сознании созопольцев, — от всего этого исходила какая-то просветленная скорбь. Такие события не могут не вызвать глубокий душевный отклик. Давняя балканская поговорка гласит: «У камня долгая память». Однажды высеченные народом на камне письмена переживают века и династии.

Здесь словно бы иное измерение времени и жизни. И болгары глубоко это понимают, обладают даром беречь память сердца. Свидетельства героизма, кровного давнего братства встречаются во всей Болгарии. Они перед нашими глазами и в Созополе. Мы обнаруживаем эти символы вечного братства между нашими народами и в виде памятника советским морякам-подводникам, погибшим в сражениях в прибрежных водах Созопола во время Отечественной войны; и в виде парка болгаро-советской дружбы и музея, где экспонируются документы, фотографии и другие материалы о морских операциях советских моряков-подводников; и в виде аллеи Освободителей, мемориальной композиции Константина Паустовского, а также заповедника имени Юрия Гагарина. Есть в этом какая-то всеохватная доброта и благожелательность. Во всем — большом и малом, в отношении ко всему возвышенному и священному.

Смерть — явление неотвратимое. И в каждом человеке нам обетовано возвращение в первородную стихию. Все люди, по слову мудреца, на какой-то миг боги. Но между рождением и смертью людей — река, что нас несет. Путь жизни... Каков он был у сержанта Рублева? Что успел совершить, что пережил, что сумел постичь в мятущемся этом мире?

Жизнь его оборвалась на исходе войны, в день неизбывной радости болгар, в час победы над ненавистным врагом и наступления новой жизни... Красноармейский воин И. Рублев прошел вместе со своими однополчанами, со всем своим народом всю Отечественную войну... 12 сентября в Созополе был день первый в его жизни не на фронте. Человек не выбирает день своего рождения. Но всегда ли он знает час своей смерти?

Было ли это лишь выполнением воинского долга? Или рефлекс нервного действия, тайные движения человеческого сердца? Надо, чтобы у самого человека была за душой повелительная эта сила, таящая в себе духовно-нравственные основы жизни. И не только в личностном, но в аспекте социальном, в моральном мировосприятии.

Подвиг не умирает. Чистый и искренний в горении чувства и мысли, сам человек, способный на «души прекрасные порывы», не может не воздействовать тем самым на других.

И вот здесь же, на пристани Созопола, едва ли не в один и тот же день была и другая смерть.

Когда же к созопольским берегам приблизились части Красной Армии, Кристо решил бежать в Турцию на итальянском пароходе, который зашел в Созопол и через несколько часов должен был отчалить в Стамбул. Он перевез на судно свои вещи и на прощание за полчаса до отхода парохода заглянул в портовую таверну «Казино», где ее хозяин старый Димитр умел готовить самый крепкий и душистый кофе в мире... Но Димитр слишком старался и особенно долго готовил кофе, а пароход уже дал третий гудок, тянуть было невозможно. Кристо выбежал из «Казино», сел в пароконный фаэтон, но ресторатор догнал его с чашкой благоухающего кофе, и Кристо не устоял... выпил кофе и разбил чашку о мостовую.

Опоздав на пароход, Кристо посылал проклятия вслед уходящему судну. Вернувшись в «Казино», он сел за стол, обхватил в отчаянии голову руками и заплакал. Вскоре, однако, вбежал смотритель порта и крикнул, что за мысом полосой пронесся внезапный ураган, ударил о скалу потрепанную итальянскую посудину, которая пошла ко дну со всеми пассажирами и командой. Всеми без исключения. Не спасся никто.

Кристо вскочил, бросился в порт и с ликованием возвестил, что из двухсот пассажиров живым остался только он один... И снова захохотал, как безумный. Позвал грузчиков, с которыми еще не расплатился за их услуги, угостил их всех вином и так радовался, что упал головой на стол и умер. На вопрос полицейского о причине смерти Кристо самый старый грузчик бросил:

— От злой радости...

Сколь велика у человека должна быть недоброжелательность к людям, если их гибель приносит ему такую радость, что он умирает от восторга?

И мне ассоциативно пришла на память легенда, предпосланная роману Джона О'Хары «Свидание в Самарре». Смерть рассказывает: «Жил в Багдаде купец. Послал он слугу на базар за товаром, но тот прибежал назад, бледный и дрожащий, и сказал: «Господин, на базаре в толпе меня толкнула какая-то старуха; я оглянулся и увидел, что меня толкнула сама смерть. Она посмотрела на меня и погрозила мне. Господин, дай мне коня, уеду я из этого города, скроюсь от своей судьбы. Поеду в Самарру, где смерть не найдет меня». Дал купец слуге коня, сел слуга на коня, вонзил шпоры ему в бока, и помчался конь со всех ног. А купец пошел на базар, увидел меня в толпе, подошел и спросил: «Почему ты погрозила моему слуге, когда увидела его нынче утром?» «Я не грозила ему, — ответила я. — У меня лишь вырвался жест удивления. Я не ожидала увидеть его в Багдаде, потому что сегодня вечером у нас с ним свидание в Самарре».

Нет, человеческой природе не противопоказана верность своему скиту с его хлебом и водой, чтобы сердце не охлаждалось вселенскими сквозняками.

Созопол влечет к себе. Он чарует, захватывает человека, вырывая его из привычной каждодневности и перенося в мир морской стихии, искусства, поэзии.

Созопол — город художников. Словно древо желаний, он манит людей творчества, и они находят здесь настоящее вдохновение. Но город завораживает вас постепенно. Он не торопится раскрыть пришельцу сокровенные тайны. И не заморская экзотика преследует вас здесь по пятам. Иные, однако, ищут в Созополе лишь стародавность, атмосферу патриархального бытия людей.

Созопол — архитектурный памятник, в котором отозвались многие культуры, искусство старины, народные традиции и вкус. Созопол овеян спокойствием и легкой дымкой мечтательности античного поселения Черноморья, которое известно еще со времен Эллады как Понтоз еуксинос — Гостеприимное море. Особенного очарования исполнено южное болгарское побережье с его щедрой природой и неповторимыми пейзажами — от города Бургаса до Резовской реки и Ахтопола.

Любуясь побережьем Черного моря или видами голубого Дуная, мы испытываем чувство пленения возникающими перед нами видениями, исполненными мечтательности, раздумий, поэтического настроения. И не можем не ощутить того, что поэзия полуостровного Несебыра, к примеру, разнится от варненских берегов, а поэзия предгорного Банско, расположенного у самого подножия величавых Пирин, совершенно иная, чем поэзия горного Велинограда, хотя зодческий замысел всюду — сама природа. И во всем тут чувство природы, вечно новой природы.

Созопол не назовешь городом без художественного и зодческого наследия. Старинный его облик раскрывается привлекающими глаз домами самобытной архитектуры и стиля, узкими улочками, изгибающимися переулками, мощенными булыжником и плитами из дикого камня. Уютными домами с характерными эркерами, нависающими стрехами, облицовкой из простого дерева. В растениях здесь много сиреневого, синего, оранжевого и густо-зеленого цвета. Свообразие это Созополу придает нечто романтическое, затаенно привлекательное, загадочное.

И чем чаще вглядываешься в своеобразную архитектуру домов в старом Созополе, тем больше обнаруживаешь для себя новые особенности, не замечавшиеся ранее детали. Открываешь нечто неизведанное в самом, казалось бы, обыденном. Удивляешься привычному. Непостижимо это... Все, что каждодневно окружает нас, что с нами неразлучно и стало обычным, не привлекает нашего

внимания. Лишь художники, люди пронизательные, наделенные талантом углубленного постижения действительности, личности творческие, способны замечать необыкновенное поистине в самом простом и ординарном. Способность эта видеть и восхищаться — драгоценное качество, великий дар человека, умеющего ощущать и воспринимать мир как искусство, как творение самого гениального ваятеля и поэта — природы, а искусство — как мир своего бытия.

Нередко все начинается именно с какой-то детали, частности, отдельного штриха, а превращается в нечто цельное, стройное, законченное. Так возникают дорогие сердцу вещи.

Самым привлекательным в традиционной архитектуре городских строений — архитектуре болгарского Возрождения, какими мы видим их теперь на улицах Созопола, пожалуй, являются эркеры — часть второго, очень часто деревянного этажа над первым, почти всегда каменным. Непривычна это на первый взгляд картина. Едва ли еще где, в какой-либо другой земле она так часто встречается. Эркеры, подобно крыльям, выступающие вперед, иногда поддерживаемые деревянными подпорками, в старом Созополе — архитектурная норма, строго соблюдается всеми на протяжении веков. И на некоторых домах традиционной архитектуры можно встретить дощечки с надписью: «Памятник архитектуры XVIII века». В этом, быть может, одно из существенных несходств Созопола с другими городами Болгарии, хотя архитектурные эти особенности встречаются не только в других городах страны, но и в еще некоторых славянских странах.

— Как вы объясните возникновение эркера на домах в Созополе? — спросил я во время одной из встреч с художником Яни Хрисопулосом, родившимся в Созополе и всю жизнь не покидающим этого города.

— Причина, пожалуй, в экономии земли: все стремились приютиться на тесном этом полуострове, а места не хватало, — с ходу ответил Яни Хрисопулос.

— Но почему же дома с эркерами встречаются в других местах страны, где никогда не было недостатка земли под строения?

— Верно... Дело здесь, видимо, в архитектуре, в ее своеобразии, в тех особенностях, которые стали излюбленными, традиционными, — добавил художник.

— В народной эстетике?

— Именно в этом... Местные наши строители — удивительные мастера. Они обладают редкостным вкусом, наделены чувством меры, ощущением прекрасного. Обратите внимание, как возводится дом в пространственном измерении, как вписывается в окружение,

в пейзаж, как соотносится с морским берегом... Все здесь соразмерено, выполнено с предельной точностью, поистине артистично. В этой народной архитектуре ощущаются традиции предков, но они современны по своей сути, по эстетическому своему значению. Заметили ли вы, что старые дома в Созополе обладают своим очарованием? Они связаны романтикой, они поэтичны, — продолжал Христопулос. И после короткой паузы, словно что-то вспоминая, устремился к стоящим у стены картинам, быстро нашел нужное полотно с изображением стародавнего деревянного дома и показал мне для того, чтобы зрительно представить, как это выглядело лет пятьдесят назад.

Позднее, во время посещения Пловдива, я познакомился с архитектурными памятниками эпохи болгарского национального Возрождения, расположенными в одном из самых романтических районов старого Пловдива. Характерная особенность архитектуры здешних домов, к примеру, ансамбля домов по улице Чомакова (XVIII—XIX веков) — многоцветные фасады, на которых рельефно выступают кокетливо нависающие эркеры. Последовательные уступы эркеров придают фасаду выразительность и динамичность. В беседе с сопровождающим нас искусствоведом я интересовался происхождением эркеров на пловдивских домах. «Эркеры в архитектуре эпохи болгарского национального Возрождения имели эстетическое значение. Главная их функция — художественно-декоративная», — уверенно ответил собеседник, не выдвинув никаких других соображений, в том числе фактора ограниченности участка. В Пловдиве того периода в этом не было проблемы.

— Созопольские мастера в известном смысле настоящие художники и поэты своего ремесла, — заметил я в ходе нашей беседы с Яни Христопулосом.

Именно художники! Народные наши умельцы — это самородные таланты. Они живой источник отменного вкуса, глубокого понимания подлинно прекрасного в жизни. Ведь человек никогда не устает любоваться традиционной созопольской архитектурой с ее затаенной простотой и строгостью линий, выразительностью каждой детали, стилевым совершенством. И интерьер дома нередко богат и разнообразен своим убранством. Резные потолки, двери, шкафы и лестницы создают чувство уюта и тепла. Гордость созопольского дома периода национального Возрождения — разнообразно орнаментированные дощатые потолки. Все здесь — ручная работа. Во всем старание и любовь. Между тем умельцы наши — люди из простого сословия, образованием не блещут, высоких дипломов не получали, бумажными сертификатами не располагают... А денег у них никогда не бывало в избытке... Как раз хватало, чтобы не спеша умереть.

Только руки у них золотые: к чему ни прикоснулись бы — все становится просто и красиво.

— А как здесь с проблемой «отцов и детей» — преемственностью поколений: мастерства, опыта, тайств ремесла?

— Сожаления достойно, что многое утрачивается, теряется, боюсь, навсегда. Правда, сейчас в старой части Созопола ведутся по решению правительства восстановительные реставрационные работы. Передко, знает ли, и меня вовлекают в эту работу наши архитекторы и инженеры, которые обращаются к моим картинам и эскизам, чтобы воспроизвести первоначальный облик домов в старом Созополе. Памятники архитектуры часто приходится воссоздавать заново. Но многие секреты технологии старых материалов как сквозь землю провалились. В старину стены домов клали из сырого, необожженного кирпича, который обладал гигроскопичностью, не пропускал морскую влагу, что в Созополе, окруженном со всех сторон морем, особенно важно. Первый этаж здесь делался из камня. Его принято использовать для всякого рода хозяйственных и подсобных целей. Второй этаж — жилой, строился из кирпича и обшивался толстыми дубовыми досками для защиты от морской коррозии, вызываемой сыростью и постоянными ветрами, — сказал мой собеседник и продолжал:

— Теперь в новых районах Созопола дома строятся по стандартам и по инструкциям современной технологии. Все из камня и бетона. Проще, конечно. Происходит, однако, такое чудовищное нагромождение бетона и камня, что того и гляди, как бы весь наш маленький полуостров не пошел на дно моря. Железобетонные эти дома к тому же обладают удивительным сходством: их просто невозможно отличить один от другого, все они как близнецы, на один лик, однообразны и монотонны. Они лишены того неповторимого шарма, которым обладают дома в старом Созополе, лишены романтики, обаяния, поэзии, когда весь Созопол напоминал собой старинную гравюру, панораму, исполненную в серо-зеленых тонах, картину, покрытую патиной, образовавшейся от времени, морской соли и ветров...

Созопол видится мне в ночных огнях, которые на главных улицах светятся в фонарях из кованого вороненого железа и с матовыми стеклами; в извечно неукротимом гуле морской стихии, плотно облегающей полуостров, в отблесках светильников на домах, едва пробивающих полынную мглу в тесных, изогнутых переулках.

Удивительна атмосфера и в час сумерек, едва ли не в самое лучшее время, время обворожительное и прозрачное, когда медленно угасает свет дня, фонари еще не горят, но могут вот-вот вспыхнуть. И мне порой кажется, будто видел я все это во сне и теперь проснулся. Вселенная для меня словно бы преобразилась. Чувствую, что в меня вдохнули целительный эликсир жизни.

И я все более проникался ощущением Созопола, ощущением полуостровного этого города, как целого с его поэтическим особым настроением, которое присуще лишь этому краю земли.

На улицах Созопола, на каждом углу встречаются живые цветы, выращенные в больших керамических чашах и вазах, поставленных прямо на мостовую, на каменные плиты, или смотрящие на вас с подоконников и ступеней при входе в дом. Яркие, нарядные, привлекательные шапки хризантем, пылающие тюльпаны, белые, бордовые и кремовые розы, пеларгонии просто на ваших глазах торжествуют, сладострастно и жадно пьют падающий с необъятной выси яркий свет и морской воздух, которым густо насыщен весь полуостров. В этом также живет примета вкуса, народной эстетики.

И мне будто открывалось новое восприятие, совсем новые ощущения, будто проливался свет на многое, о чем ранее не задумывался, мимо чего проходил без внимания. Теперь все это приобретает для меня свой смысл, становится чем-то значимым в моей жизни. Лишь теперь... но все это существовало и ранее, наверное, давно. Существовало само по себе, безотносительно к нашему восприятию, да и к самому нашему существованию. Существовало и существует, только теперь и в моем сознании, хотя и не знаю, что же, в сущности, есть то, что открылось для меня. Знаю лишь, что это новое вселило в мою душу нечто чистое и отрадное. Нет, не торные это дороги жизни...

И разве человеку не свойственна потребность осмыслить самого себя, окружающее бытие, постигнуть мир, в котором живет? Понять, зачем приходит он в этот мир. Нет, не чуждо ему стремление проникнуть в тайны прекрасного, в сокровенность искусства — живописи, поэзии, музыки. Неужто действительность недостаточно просторна и емка, чтобы развернулось пространственное его воображение, когда открываются глаза наступающего дня?..

В Созополе, уже при въезде в город, особенно в приморском парке, вам нередко попадаются старые судовые якоря, порывшие от едкой ржавчины. О них непременно говорят и пишут все или почти все посетившие эти места. Для иного странствующего ока, ищущего все необычайное и диковинное, они, быть может, находка, экзотическая изюминка. Присутствие старых якорей на берегу, наверное, воспринимается многими и как нечто романтическое.

Но якоря эти способны, пожалуй, вызвать и другие мысли, грустные раздумья. Опрокинутые и брошенные, как потерпевшие крушение шхуны, они ведь когда-то нужны были человеку, который не обходился без них, неразлучно отправлялся с ними в море, делил невзгоды и испытания... Теперь их лишили даже естественной водной стихии, за ненадобностью вышвырнули на сушу, как на обочину жизни. Напоказ проходим, на праздное обозрение толпы...

Истинно, все не вечно на этом изменчивом свете, как и неумолимо течение реки, что несет человека в жизни и во времени. Не ново и то, что в «безумном этом мире» все приходит, чтобы безвозвратно уйти. И было бы наивно, конечно, мечтать о возрождении динозавров. Они для нас тень далекого, навсегда канувшего в бездну прошлого. Сущность, однако, в ином: какова тут, сказать так, сама метаморфоза, как меняется человек и его отношение ко всему окружающему, какова здесь нравственная диалектика. Каким путем и образом обходится человек со всем тем, что приходит, а потом он определяет, что должно уйти, отлететь, как листья с осенних ветвей. Всегда ли и во всем нужны кресты только по старости? Оправданна ли декоративность, за которой скрыто давно уже устаревшее, отжившее, насквозь проржавевшее, но все еще цепляющееся за однажды занятые позиции, хотя давно бы уже пора стать на якорь, чтобы не оказаться за бортом времени и событий.

Интересна, на наш взгляд, заметка «Якоря на пьедестале», опубликованная газетой «Правда» от 23 ноября 1979 года. В ней говорится, что у входа в Керченский городской парк культуры и отдыха, на берегу пролива, сотрудники местного историко-археологического музея открыли необычную выставку «Якоря судовые».

Здесь демонстрируются якоря разных эпох, размеров, предназначений. Очищенные от морских нарослей и ржавчины, выкрашенные в черный цвет, они установлены на специальных цементных площадках, опоясанных цепью. Все экспонаты снабжены пояснительными надписями. На вводной читаем:

«Более 4 тысяч лет назад древние придумали якорь. Первые якоря классического принципа были деревянными. С появлением профессии кузнеца железный якорь становится его основным изделием наряду с лемехом плуга, мечом, топором, подковой... У древних греков и римлян якорь считался священным орудием, символом надежды. Якорь — изобретение международное и является неотъемлемой принадлежностью каждого корабля...».

Однако деревянных якорей на выставке нет. Они не могли сохраниться до наших дней. Но здесь экспонируются три каменных округлых тяжелых штока — приспособления к деревянным якорям для придания им тяжести, чтобы удерживать в подводном положении. Они были обнаружены аквалангистами Керченского музея в районе мыса Тузла. Эти штоки использовались на судах в VII - IV веках до нашей эры, то есть в период развития Созопола.

Здесь же выставлен двухлапый, кованый адмиралтейский якорь, применявшийся на парусных военно-морских судах в XVII - XIX веках. Рядом с ним четырехлапый, которым оснащались крупнотоннажные торговые суда в XVI—XVIII веках.

С утра до позднего вечера идут горожане и гости Керчи в городской парк. И ни один посетитель не проходит мимо выставки якорей.

Особый интерес вызывает экспозиция у школьников, а также моряков и рыбаков. Она напоминает о древнем городе-герое Керчи, родословная которого насчитывает более 25 веков. Он стоит как страж Родины на стыке Азовского и Черного морей.

Все якоря, экспонируемые на выставке, были обнаружены в разное время в водах Керченского пролива при углубительных работах или антузиастами-аквалангистами.

Вторжение науки и современной технологии в нашу действительность радикальным образом видоизменяет привычный порядок нашего существования и деятельности, вековой уклад нашей жизни — общественной и частной. Во всем утверждается новизна, прогрессивность, происходит великое созидание и ломка наших представлений. Человек обретает все более активную жизненную позицию...

И все же правомерно спросить: уходит ли старое в небытие? Уходит ли все без остатка? И прошлое ли это? Все ли здесь от минувшего? Не поддаемся ли мы искушению, которое зовется забвением?

Нет, память истории, ее опыт и мудрость не исчезают бесследно, а передаются, наследуются из поколения в поколение, утверждаются в памяти народа, в его опыте, надеждах и мечтах.

Народ наш устремлен в будущее. Но это не означает, что история утрачивает для нас всякий смысл и что мы должны забыть славное прошлое своего народа и человечества, достижения, которые в известном смысле имеют непреходящее значение.

Традиции, наследие народного опыта и пути его жизни, которые выверяются веками и поколениями, призывают нас духовно и нравственно оберегать их от превратностей времени. Призывают хранить все лучшее и достойное, что оставлено нам историей, ибо законным наследником материальных и духовных богатств, накопленных человечеством по завоеванному праву, выступает в наш век и на нашей земле сам народ, а не какая-то отдельная, привилегированная его часть, тем более не элита.

И только тому наследию суждено жить, сохранять глубокие свои корни в жизни, которое призвано к служению великому творцу истории — самому народу.

У кого из славян не защежит сердце, не дрогнет душа при взгляде на простую избу с резными наличниками, крытую камышом или соломой, стоящую у бегущей реки, среди взметнувшихся тополей, белоствольных берез, плачущей вербы?

Не отсюда ли возникли строки нашего современника Сергея Викулова:

Лягу под березой на траву
в тень ее игривую, на спину,
лягу, руки в стороны раскину
и легко подумаю: живу!

Неужто суждено когда-либо уйти в невозвратное прошлое, в небытие простой и всегда волнующей славянской народной традиции встретить дорогого гостя хлебом и солью? Разве не содержится нечто уловимо отрадное в том, что с древнейших времен и в наши дни болгары преподносят друг другу традиционную «мартеницу», символизирующую с эпохи фракийцев не только пожелание, но и гарантию здоровья и успехов?

Смею думать, что именно глубокие и здоровые традиции помогли болгарскому народу устоять и сберечь свою национальную славянскую самобытность даже в самое мрачное время, на протяжении пятисотлетнего жестокого османского ига. Сохранить свой язык, свою народную культуру, обычаи и сам дух народа. Не знаменательно ли, что именно в этот тяжелейший период, пагубно сказавшийся на развитии литературы, единственным проявлением художественного слова и мысли было народное творчество, передававшееся из поколения в поколение и сохранившее национальный дух болгар. Это традиционное творчество народа явилось прочной основой для дальнейшего развития болгарской литературы, когда в конце XVIII века развернулась национальная революционная борьба против османской тирании.

Почему столь неистребимы наше влечение к литературе и жизни, к запечатленной в книгах простоте бытия наших дедов и пращуров, интерес к многовековым обычаям, добрым традициям, нравственным устоям и народной жизни? Речь, разумеется, не идет о патриархальном домострое, о свинцовых мерзостях крепостничества, обо всем том, против чего трудовой народ не прекращал борьбы и от чего навсегда мы избавились. Речь о другом. О том, почему такой притягательной силой обладают творения наших классиков, гениев русского искусства, с таким покоряющим реализмом увековечивших жизнь и подвиги предшествующих нам поколений.

Историческая жизнь народа должна рассматриваться в ее масштабных измерениях. Осмысливаться должен ее день минувший в созвучии с днем нынешним и грядущим. Сочетать непреходящую ценность классического наследия с биением сердца современной жизни, в котором отражаются судьбоносные явления нашей эпохи.

Именно в этом видится нам вера человека в духовные ценности, нравственные качества людей, неподвластные непостоянству и фальши. Едва ли не парадоксальным кажется, к примеру, то, что время не отдаляет, но приближает нас к Пушкину и Лермонтову — поэтическим гениям русского народа прошлого века, потому что именно в наш век и в нашем Отечестве идеалы их претворяются в реальность. Их творчество революция сделала для народа доступным не просто как ценность художественную, как меру эстетическую, нравственную, духовную. Именно пролетарская революция привела к созданию

реальных условий для действительного претворения высоких надежд и идеалов в созидательной деятельности трудового народа. И оттого народная тропа благодарных потомков никогда не зарастет к бессмертным творениям своих поэтических гениев. Не перестанут они приходить к их памятникам, овеянным волшебным даром провидения и нравственной чистоты, из которых рождались неумирающие строки.

В высшей степени примечательно и отношение болгар к своему художественному наследию, искусству и литературе. В большой, сложной и яркой болгарской поэзии особенно выделяются имена Христо Ботева, Христо Смирненского и Николая Вапцарова, творчество которых неизменно воспринимается болгарами как наиболее близкое и дорогое их сердцу.

Литература эпохи болгарского национального Возрождения (XVII—XIX века), как свидетельствуют болгарские источники, возникла как выражение мечты народа о свободе. Искусство слова было в основе своей глубоко демократическим и революционным, ибо отражало жизненные интересы народа, его извечное стремление к национальному и социальному освобождению. Воспевало не королей и господ, а сам народ, поднявший знамя бунта и свободы. Период Возрождения ознаменовался творчеством яркой плеяды литераторов: Паисия Хилендарского, Софония Врачанского, Неофита Бозвели, Петра Берона, Георгия Раковского, Любена Каравелова. Вершиной художественного гения был поэт-революционер Христо Ботев. Ему принадлежат пламенные строки стихотворения «Хаджи Димитр», посвященного памяти бессмертных воевод, боровшихся против османского ига, за свободу во славу древнего болгарского рода:

Кто в грозной битве пал за свободу,
Не умирает: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают...

Христо Ботев возвысил свой голос против господства государственной системы. Он призывал к тому, чтобы на болгарской земле, которую еще деды завоевали силой оружия и своей святой кровью, где ныне бесчеловечно свирепствуют турецкие кирджали и янычары и где царит право силы, создать храм истины и подлинной свободы. Восторженно приветствуя Парижскую коммуны, Христо Ботев писал в одной из своих работ: «Нет власти над головой, которая готова слететь с плеч во имя свободы и блага всего человеческого».

Христо Смирненский — явление феноменальное в болгарской поэзии, рожденное в эпоху исторических бурь и потрясений, в период возникновения в муках и крови нового мира, о котором люди веками

могли только мечтать. Движимый верой в победу над «кровавым храмом» и торжество светлого мира братства, Смирненский писал в своем стихотворении «Сквозь бурю»:

... не бойся, что дымящаяся кровь
забрызгает нарядные одежды,—
иди вперед смелей и веселей
навстречу солнцу новых светлых дней!

По справедливости и праву современный поэт Божидар Божилов с гордостью охарактеризовал Смирненского как редкостного поэта среди художников его времени, «чьи лиры так вдохновенно отозвались на выстрел «Авроры».

И потому именно болгары справедливо считают, что Христо Ботев и Христо Смирненский, которые с рыцарским достоинством воспевали нравственную чистоту человека, воинствующую совесть и веру в добро, остаются с нами и сегодня, предстают как наши современники, освещают факелом чувств и разума дорогу в будущее. И ныне в сложном и мятущемся мире поэтическое наследие талантливых этих творцов человеческих ценностей позволяет с полной верой в правильность избранного пути и нравственного мерилла сверять по нему наши чувства и мысли.

Знаменательное это явление наших дней — стремление и духовная потребность равняться на высоту национальных поэтических гениев, сопоставлять свое видение мира с мудрой их пронизательностью. Не в этом ли обнаруживается не просто художническое значение подлинного наследия и традиции, но и нравственный, воспитательный их смысл?

Не о каком-либо противопоставлении, конечно, старого новому, традициям творчеству идет здесь речь. Разве наследие и новаторство не есть нерасторжимые звенья единого диалектического процесса развития жизни и культуры? Правомерно ли рассматривать их в отрыве друг от друга? Не привело бы это к попыткам разъять истину? Новаторство само по себе из ничего не возникает. Оно всегда покоится на добротной почве лучших традиций. И напротив, устойчивы и плодотворны именно те традиции, в которых с самого начала содержались элементы, выведившие данные традиции за грани породившего их времени. Иными словами, существуют традиции живые и мертвые, как творчество — подлинное и мнимое. Это означает, что только живые традиции и настоящее творчество представляют собой диалектическое единство, поскольку природа и корни того и другого в существующей реальности, в современной жизни. И зависят они от действительных, а не надуманных, умозрительных потребностей, и определяются объективными законами общественного движения.

Созопол... Я видел здесь рассвет и наступление ночи. Видел, как над засыпающим морем догорает теплая вечерняя заря. Видел звезды с твоей земли. Видел, каким острым огнем горят осенние созвездия над безбрежной гладью Черного моря. Как врывался норд-ост в раскрытое окно моего дома и вольно листал рукописи на столе, вызывая желание запечатлеть на бумаге забавы бога морей Посейдона. Видел бушующую стихию, гневно бросавшую гигантские волны на скалистые утесы и творившую стихийную музыку моря. Видел, как уходят рыбаки на своих гемиях и возвращаются с уловом к родному берегу. Слышал, как стучит дождь по листьям смоковницы, любовался, как падают с выси крутые капли благостной влаги, как дымится после дождя красная черепица на крышах Созопола. Я знаю: каждому даны свои печали и радости.

Склоняясь в смирении и признательности, испытываю внутреннюю потребность обратиться с искренними пожеланиями светлых дней и целых столетий вечному городу, чтобы истинное счастье неизменно осыпало эту землю, всегда светило ей солнце.

Николай Трофимович Федоренко

КРАСКИ СОЗОПОЛА

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

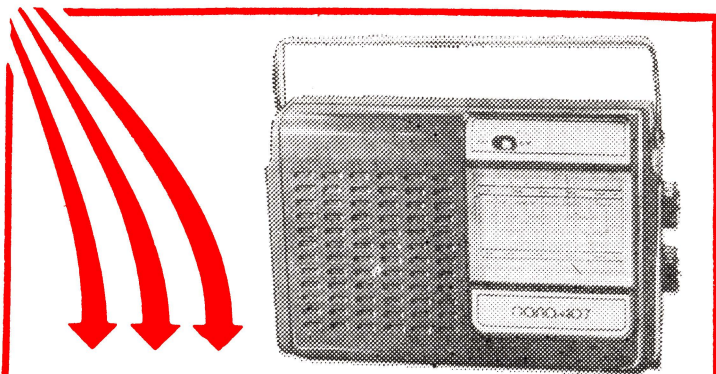

Сдано в набор 02.03.81. Подписано к печати 07.05.81. А 00373. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,13. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1019. Зак. № 299. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

«ГИАЛА-407»

Этот легкий, удобный в обращении транзисторный радиоприемник работает в диапазонах длинных и средних волн.

От своих предшественниц «Гиала-407» отличается повышенной выходной мощностью и лучшей избирательностью.

Корпус приемника, оригинальной формы с закругленными краями, изготовлен из ударопрочного полистирола.

В качестве источников питания могут быть использованы батареи двух типов: шесть элементов типа «373» или две батареи типа «3336Л».

Цена приемника—30 руб.

ЦКРО «Орбита»